

Г. С. Хромов

«Глобализация»

Попытка историософского анализа

За два последних десятилетия язык наших политиков, экономистов и средств массовой информации пополнился множеством заимствованных терминов, чаще всего используемых без четких определений и раскрытия смысла – как нечто общеизвестное и очевидное. В этом ряду слово «глобализация» занимает, пожалуй, особое место. Оно используется главным образом применительно к крупномасштабным экономическим процессам, но нередко и к любым другим явлениям международной жизни. Ссылки на «глобализацию» часто используются в качестве своего рода *ultima ratio*, последнего довода, делающего излишними сомнения и дискуссии. «Глобализация» предстает как нечто неотвратимое и неизбежное, наподобие библейской Тьмы Египетской, но, конечно же, благотворное и радостное.

Ее предлагается понимать еще и как закономерное и благодетельное следствие научно-технического прогресса, непременным условием которого надлежит считать буржуазную демократию – в том виде, в каком она сложилась в наиболее богатых и преуспевающих странах современного мира.

На деле, конечно, все обстоит не так просто и однозначно. Но для того чтобы разобраться в существе дела, понадобится экскурс в историю.

I

Начнем с идеальной картины капиталистического производства и рыночных отношений, периодически извлекающейся из архива проповедниками «свободного рынка» и экономического либерализма. Итак.

Существует множество независимых производителей (неважно – крупных или мелких), являющихся суверенными собственниками своих производств и действующих исклю-

чительно на собственный страх и риск. Производимые ими товары поступают на рынок, свободный в том смысле, что равно доступен как для любых производителей, так и для всех покупателей. Покупатели свободно выбирают товары, наиболее подходящие им по качеству и цене, создавая конкуренцию товаров. Следствием оказывается конкуренция производителей, приводящая к снижению цен, повышению качества и даже к появлению новых видов товаров. Картина, конечно, вдохновляющая, но не в большей мере реалистичная, чем любая социальная утопия. Во всяком случае – едва ли существовавшая сколько-нибудь длительное время на сколько-нибудь обширной территории. Как производители, так и покупатели всегда и везде находились под давлением неэкономических факторов – таких, как общество с его традициями и верованиями, трудности с добычей сырья и транспортом, ну и, конечно, государственной власти. О роли последней в картине идеальных рыночных отношений следует поговорить особо.

Производство и торговля как виды упорядоченной деятельности требуют стабильной общественной обстановки. Последнее, как свидетельствует история, достижимо посредством организации общества с образованием и поддержанием государства. С точки зрения «рыночных фундаменталистов», эта светская власть должна быть максимально дешевой и никоим образом не вмешиваться в саморегулирующиеся посредством свободной конкуренции процессы производства и сбыта. Соответственно государственной власти отводится роль своего рода «ночного сторожа» при мастерских, складах и прилавках, обеспечивающего порядок, безопасность, заодно беспристрастное разбирательство неизбежно возникающих коммерческих конфликтов.

Примерно такой, заметим, была некогда роль князей в торговых городах Древней Руси – Киеве, Новгороде или Пскове. Князья, исторические имена которых связаны с этими городами, не владели ими, а, так сказать, приглашались со своими дружинами на временную договорную службу, с заранее оговоренными обязанностями и условиями оплаты.

Подобной практики, кажется, не знала или почти не знала Западная Европа – более компактная территориально и имевшая авторитетный идеологический центр в лице папского Рима. Развитие феодализма началось там раньше и шло быстрее, чем на Руси. Средневековые европейские города обычно являлись феодальными владениями. Все это наложило характерный отпечаток на развитие европейского капитализма, протекавшее в многовековой борьбе городских ремесленных и торговых цехов с владетельной аристократией за власть, общественное влияние и свободу действий. Исторический перелом в этой борьбе

произошел только с Реформацией, бывшей актом вынужденной адаптации, вызванной политико-экономическими причинами, равно как адаптации традиционного католицизма к мировоззренческим запросам нарождавшейся городской буржуазии. В ходе этой борьбы, кстати сказать, выработывались и закреплялись в общественном сознании приемы выборной демократии и представления о правах личности, не зависящих от сословной принадлежности к аристократии или бюргерству.

Исторические пути России оказались, как известно, существенно иными. Постепенно формировавшиеся феодальные отношения были сметены татаро-монгольским нашествием. Феодальная раздробленность жестоко подавлялась централистским подчинением Золотой Орде, ограничивавшим власть местных феодалов.

По мере политического ослабления Орды централистский принцип организации государства был унаследован московскими властителями. Его окончательно закрепил в политической практике Иван Грозный, который, по историческим свидетельствам, взял за образец Оттоманскую империю, находившуюся в ту пору на пике своего исторического благополучия и бывшей одним из мощнейших государств Евразии.

Как ремесленничество, так и торговля в средневековых русских городах были вполне развитыми. Существовали и зачатки их цеховой организации. Велась и интенсивная международная торговля, бывшая царской монополией. При всем том посады русских городов, наше отечественное средневековое бюргерство, не соперничали с центральной государственной властью и не противостояли ей. Их политическая роль стала заметной, пожалуй, только в эпоху Смуты. Сначала, по причине своей политической неопытности и беспринципности, они, то и дело меняя присягу, в немалой степени способствовали развалу московской государственности. Позднее, однако, посадские люди, объединенные К. Мининым, сыграли общеизвестную роль в прекращении государственного расстройств.

Так или иначе, но история зарождения в России буржуазных общественных отношений не содержала характерной для Западной Европы эпохи противостояния городского бюргерства и местной аристократии или наместников центральной власти. Соответственно в русском архетипическом сознании просто не оказалось образцов достойного общественного поведения самодостаточной личности, освященных историей и облагоустроенных преданиями. Зато изобиловали героические примеры единения, самопожертвования перед лицом вражеских нашествий и элементы романтизации свободной жизни на вольных землях, вдали от какой-либо власти вообще. Удивительно, что на эти особенности отечественной ис-

тории и их отражение в национальном характере наших сограждан как-то не обращают внимания столь многочисленные ныне радители об учреждении в России «гражданского общества» по западно-европейскому образцу... Впрочем, мы отвлеклись от основной темы.

II

Война европейского капитализма с феодализмом и догматизмом католической церкви за место под солнцем длилась несколько столетий. Эти борения не раз заливали Европу такими реками крови, что по сравнению с ними трагические моменты давней отечественной истории выглядят, пожалуй, не более чем прискорбными эпизодами. Европа, можно сказать, выстрадала капитализм. Он, в свою очередь, обеспечил этому сравнительно небольшому и не особенно богатому природными ресурсами субконтиненту экономическое и политическое господство в мире.

XIX век, в особенности его вторую половину, можно считать эпохой триумфального шествия капитализма по миру. Возмужавший капитализм успешно подминал под себя и приспособливал к собственным нуждам одряхлевшие феодальные порядки в крупнейших странах тогдашнего мира. Это сопровождалось такими «знаковыми» историческими событиями, как обретение независимости Италией, упразднение монархии во Франции, объединение Германии, гражданская война в США, крестьянская реформа в России, период Мэйдзи в Японии (просвещенного правления с 1868 г. императора Муцухимо). К началу XX столетия капитализм, успешно перенесший два кризиса, превратился в господствующий экономический уклад. Побочным, но важным следствием было повсеместное усиление национализма и этнического шовинизма: развитие капиталистических отношений с неизбежностью сопровождается повышением внимания к самоидентификации народов и этнических сообществ.

В своем новом качестве капитализм сделался предметом изучения экономистов и социологов, фактическую основу для которых стала предоставлять повсеместно развивавшаяся государственная статистика. Уже тогда выявилась примечательная особенность отношения к обществоведению со стороны новых общественных элит и созданной ими государственной власти. Если еще в начале XIX столетия подозрительная недоброжелательность тех и других обращалась на идеологические постулаты самого капитализма и национально-освободительных движений, то врагом уже победившего капитализма стали социалистиче-

ские и анархические идеи – еще недавние его союзники. Те и другие имели, кстати сказать, гораздо более мощную и устойчивую социальную базу в лице промышленного пролетариата и беднейшего крестьянства. С тех давних пор и до дней сегодняшних эта идеологическая борьба продолжается – при том, что капитализм занимает в ней агрессивно обороняющуюся сторону, совершенно неразборчивую в средствах. Можно сколь угодно обличать «отдельные недостатки» капитализма или тем более – бесчинства всевозможных топ-менеджеров, но нельзя, недопустимо, непристойно, попросту «маргинально» покушаться на его фундаментальные постулаты или даже только на их рекламно-идеологическое обрамление. Это реально опасно для профессиональной карьеры и общественного положения критиков. Сакральная для ученых «свобода исследований» в обществоведении и экономике оказывается в обстановке зрелого капитализма такой же идеалистической утопией, как хрестоматийные «свободный рынок» и «свободная конкуренция»...

Сознавая все это, стоит вспомнить работу В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия развития капитализма», написанную в 1916 г. и высокомерно (или трусливо?) замалчиваемую в наши дни. Напомним, что Ленин отводил себе лишь скромную роль публициста, пытающегося способствовать всеобщему пониманию политико-экономической действительности. К тому же его брошюра была подцензурной и должна была быть защищенной от обвинений в радикализме. По всем этим причинам Ленин сосредоточился главным образом на критике изложений свойств реального капитализма в публикациях других авторов.

Первое, на что обращал внимание своего потенциального читателя В.И. Ленин – явное и неудержимое стремление капиталистических предприятий к укрупнению от образования производственных комбинатов до объединений в разнообразные корпорации. Естественным следствием чего оказывается тенденция к монополизации производств и рынков сбыта, совершенно несовместимая с идеализированной картиной свободной конкуренции независимых производителей. Более того, монополизация тормозит сам технический прогресс производств в том числе посредством систематической скупки и «обездвиживания» корпорациями перспективных изобретений (современного термина «инновации» тогда еще не изобрели, как и респектабельного названия «стратегическое патентование» для упомянутой выше эгоистической практики скупки патентов).

В исторической ретроспективе очевидно, что подчеркнутая Лениным тенденция вместе с ее следствиями отнюдь не изменилась за прошедшее столетие. Она хорошо известна, и правительства даже пытаются противостоять ей с помощью антимонопольных законов. Пер-

вые попытки такого рода в виде «антитрестовских законов» предпринимались в США еще в последние годы XIX в. для защиты мелких производителей. В Европе внимания к антимонопольным мерам проявляли относительно меньше. Однако уровень эффективности от антимонопольных мер нигде и никогда не был высоким вследствие мощи противостоящих сил. Всевозможные слияния и поглощения производств – вплоть до образования корпоративных гигантов – были и остаются повседневностью мировой экономической жизни. Нечастые вмешательства правительств обычно выливаются в длящиеся годами тяжбы юридического крючкотворства, с неясными для общественности результатами.

В наши дни конкуренция протекает между крупными, подчас гигантскими промышленными объединениями, подталкиваемая стремлением каждого из них к положению монополиста того или иного типа и масштаба. Именно такое конкурентное соперничество вынуждает предпринимателей заботиться об инновациях – при том, что именно крупные фирмы располагают для этого наибольшими инвестиционными и интеллектуальными ресурсами.

Непреодолимое стремление капиталистических предприятий к укрупнению обусловлено объективной особенностью этого экономического уклада. Известно, что рентабельность и конкурентоспособность производственных систем коррелируют с их масштабом; недавно за очередное доказательство этого положения была присуждена Нобелевская премия по экономике. В таком контексте возникают основания для пересмотра взглядов на экономическую роль малых и средних предприятий, рассуждения о которой стали столь популярными в последние десятилетия.

Те и другие правильнее рассматривать как переходные формы, обреченные в массе своей либо на разорение, либо на поглощение. Относительно устойчивыми здесь, скорее всего, оказываются только крошечные предприятия, обслуживающие повседневные бытовые потребности населения. В редчайших, чтобы не сказать исключительных, случаях такие фирмы способны сами становиться «центрами кристаллизации», поглощая более слабые предприятия. Но такие случаи, повторимся, чрезвычайно редки и обычно связаны с удачно подмеченной новой конъюнктурой или освоенной инновацией – технологической, организационной или маркетинговой. Рассуждения о малых и средних фирмах как о локомотивах экономического роста или технологического прогресса – своего рода романтика рыночных фундаменталистов.

Вторая особенность зрелого капитализма, отмеченная В.И. Лениным, состоит в изменившейся роли банков. Они – прежде всего крупные банки – перестали быть скромными посредниками в денежных операциях и эпизодическими заимодавцами промышленных предприятий. Производство, усложнившееся технически и увеличивающее масштабы, требовало систематического и часто очень крупного и досрочного кредитования. Оно уже не могло обходиться без постоянного систематического взаимодействия с банками как аккумуляторами денежных средств.

Практика акционирования промышленных предприятий, вполне сформировавшаяся на протяжении XIX в., позволила банкам к вящей собственной выгоде освоить свою новую роль. Скупая акции предприятий и целых промышленных компаний, банки получили возможность становиться их реальными собственниками. Этому способствовала подмеченная склонность капиталистических предприятий к дроблению акционерного капитала, к уменьшению стоимости акций при увеличении их численности. Нетрудно понять, что рост числа разобщенных миноритарных акционеров передает реальную власть над активами и стратегическими решениями в руки немногочисленных крупных держателей акций или консолидированных групп таких акционеров. В итоге владельцы относительно небольшого капитала обретают возможность контролировать в своих интересах материальные активы несопоставимо большей стоимости. Постепенно становясь фактическими владельцами производственных предприятий, банки к тому же выказывают ту же тенденцию к укрупнению и образованию сообществ.

Продукт слияния банковского капитала с капиталом промышленным – новое экономическое явление, характерное только для зрелого капитализма, – Ленин называет «финансовым капиталом». Имманентно стремясь к неограниченному наращиванию своего объема, экономической мощи и политического влияния, финансовый капитал становится определяющей экономической силой, начинающей претендовать и на политическую роль, подминая под себя надстройку буржуазного государства. Такое поведение финансового (или монополистического) капитала В.И. Ленин называет «империализмом». Содержание этого термина у него, как видим, совсем иное, чем у привычного понятия «империя» как политико-географического образования. Далее, опираясь на статистику и результаты профессиональных экономистов своего времени, Ленин рассматривает поведение финансового капитала по отношению к капиталистическому государству и на мировой арене.

Ленин отнюдь не стремился к терминологическому новаторству: название «империализм» применительно к зрелому капитализму со сформировавшимся финансовым капиталом к тому времени прочно вошло в лексикон экономистов и политических мыслителей. На повестке дня стоял вопрос о дальнейшей исторической эволюции империализма: является ли он предпосылкой дальнейшего развития или предтечей будущего упадка? Сам Ленин отстаивал ту точку зрения, что империализм, с его неудержимым агрессивным стремлением к монополизму, движется в тупик и непременно будет вытеснен новой политико-экономической формацией, более совершенной, чем породивший его рыночный капитализм.

Взаимоотношения между государственной властью и финансовым капиталом были (и остаются) гораздо более сложными и противоречивыми, чем предусматривалось идеальной моделью рыночной экономики. С одной стороны, эта власть охотно приняла на себя обязанности пресловутого «ночного сторожа» при капитализме, включив в них защиту последнего от идеологических конкурентов в лице социалистов и анархистов, а заодно – от профсоюзных движений даже самого мирного толка. С другой стороны, непредвидимо расширилась и зависимость самого финансового капитала от национального государства. Государственная власть обеспечивала таможенные границы и протекционистские тарифы, защищавшие национальных производителей от конкуренции с производителями зарубежными. Государство оказалось еще и эффективным инвестором национальных капиталистических предприятий. Можно напомнить, что промышленный взлет объединившейся Германии в последней трети XIX в. стал возможен только потому, что кайзеровское правительство вложило в развитие промышленности почти всю контрибуцию, полученную с Франции после военной победы над ней. Да и интенсивное железнодорожное строительство, развернувшееся в России после крестьянской реформы 1861 г., осуществлялось на государственные субсидии или под такие же гарантии. Противоречия с постулатами свободного рынка очевидны, но и выгоды для национального финансового капитала тоже.

Еще одной, наиважнейшей, сферой взаимодействия национального финансового капитала с государственной властью была колониальная политика. Как известно, именно эксплуатация колоний была источником первоначального накопления капитала для большинства европейских стран. Колонии надо было завоевывать, организовывать для экономической эксплуатации и защищать от посягательств, равно как и соответствующие пути сообщения. С этими задачами могло справиться только государство, действующее в интересах

национального капитала. За все перечисленные выше услуги финансовый капитал был вынужден считаться с государственной властью – даже в ущерб собственным интересам и даже если эта власть в чем-то его угнетала, усиливая изначальную территориальную неравномерность развития капитализма. К числу стран, задержавшихся с развитием национального капитализма вследствие неразворотливости и консерватизма государственной власти, относились такие когда-то великие колониальные державы, как Португалия и Испания. Сюда же можно добавить и Российскую империю, высшая власть которой, до последней возможности обеспечивала в первую голову экономические интересы крупных землевладельцев, сдерживая развитие национального капитализма и родственных ему политических институтов.

Эксплуатация колоний послужила не только историческим фундаментом европейского капитализма. Их экономическое значение сохранялось и в эпоху достижения им полной зрелости к началу XX столетия. Колонии играли роль источников промышленного сырья, технического и пищевого, и баснословно дешевой рабочей силы для его добычи и первичной переработки.

Основой экономической эксплуатации колоний был экспорт капитала из метрополии, приносивший ей огромные прибыли; по статистике в колониях оставались только первые проценты от полученных прибытков. Это, как особо подчеркивал Ленин, позволяло капиталистам метрополий подкупать, политически дезориентировать ее, верхушку собственного пролетариата – рабочую аристократию или нижний слой среднего класса, как выразились бы в наше время. Тем самым укреплялась внутренняя социальная стабильность метрополий и облегчалась задача государственной власти, надзирающей за общественным порядком. Ленин отмечал, что пролетариат именно Англии – мощнейшей колониальной державы того времени, выделялся на общеевропейском фоне наименьшей политической активностью.

Колониальная эксплуатация лишь в очень малой степени способствовала экономическому развитию самих колоний. Они в абсолютном большинстве оставались сельскохозяйственными странами с неразвитой промышленностью и нищим и невежественным населением. Зато практика колониализма обогатила политический лексикон понятием «компрадорская буржуазия» (от испанского – «покупатель», «перекупщик»). Так назывались туземные агенты, осуществлявшие посредничество между местными производителями и торговцами из метрополий. Колонизаторы позволяли компрадорам богатеть, поддерживали их социальный статус и иногда, предварительно приютив, даже допускали в прихожие общественных элит метрополий. (Не напоминает ли читателю эта картина кое-что из отечественной

истории двух последних десятилетий?) И все же колониальная эпоха создала предпосылки для исторических изменений в колониях. С европейцами в туземные элиты проникали просвещение, новые представления о мире и другом образе жизни. Из компрадорской буржуазии или около нее постепенно формировалась буржуазия национальная, вскоре ставшая инициатором национально-освободительных движений. Но это – позднее.

Освоенный в колониальной экономике экспорт капитала из богатейших стран стал постепенно распространяться и на страны, задержавшиеся на пути капиталистического развития. В начале XX в. основными экспортёрами капитала в страны Европы и Латинской Америки были Англия, Франция и Германия. Американский капитализм только еще выходил из эпохи становления, осваивая новые возможности, открывшиеся для него после победы Севера в Гражданской войне, и ограничивался мелкими территориальными захватами. Япония восстанавливалась после войны с Россией, которую хотя и выиграла, но оказалась на грани экономического краха.

К началу XX столетия возникла и стала постепенно развиваться и такая форма интернационализации сначала промышленного, а затем и финансового капитала, как транснациональные корпорации. Первые объединения такого рода, с участием промышленников США и Европы, образовались в электротехнике, черной металлургии и нефтедобыче («керосиновой промышленности», как тогда выражались).

Предвидимые выгоды от экспорта капитала в суверенные, но менее развитые страны выглядели несколько иначе, чем от его же экспорта в собственные колонии. Кроме доступа к природным и относительно более дешевым трудовым ресурсам, это открывало доступ к уже сформировавшимся внутренним рынкам теоретически любых стран. Мало того, возникали возможности для расширения политического влияния страны-экспортёра, со всеми вытекающими геополитическими последствиями.

За примерами таких «последствий», как говорится, далеко ходить не приходится. В наши дни появилось немало охотников воспевать «промышленный рывок», совершенный Российской империей накануне Первой мировой войны. Рывок действительно имел место – как следствие экономической политики С.Ю. Витте. Но менее известно, что накануне войны около 50% производственных фондов Империи принадлежало иностранному капиталу, а из того 2/3 – капиталу английскому и французскому, и только 1/3 – германскому. Нужно ли удивляться, что Россия втянулась в мировую войну на стороне Антанты, не имея отчетливо

значимых целей и вопреки длительным культурным, гуманитарным и даже теснейшим династическим связям именно с Германией? Чем все это закончилось для Российской империи – общеизвестно.

Как это уже упоминалось, собственный анализ привел В.И. Ленина к уверенности в исторической обреченности еще молодого тогда империализма. Он предсказывал ему неизбежное вырождение, с превращением в сомножество монополий, прекративших развитие и свертывающих не только технологический прогресс, но и самое материальное производство, трансформацию в паразитический капитал, существующий за счет ренты, собираемой с экономически и политически подчиненных стран. Но до этого империалистическим странам предстояло пройти эпоху конкурентной экспансии, борьбы за расширение подчиненных территорий (сфер влияния), на которых он мог бы осуществлять, присущими ему способами, «хозяйственную деятельность». Весь мир, однако, был уже поделен, и финансовые капиталы различных стран могли рассчитывать только на силовую экспансию, побуждая зависимые от них национальные правительства к войнам за его передел.

Конечно, В.И. Ленин был не единственным исследователем, озабоченным судьбами новорожденного империализма, хотя, может быть, и одним из самых радикальных. В социал-демократической печати ему противостоял такой авторитетный автор, как К. Каутский, предлагавший существенно более оптимистическую, эволюционную схему. Полемике с ним посвящена значительная часть брошюры «Империализм как высшая стадия развития капитализма». Если коротко, то Каутский возлагал надежды на начавшийся процесс создания транснациональных корпораций. Это «международное картелирование» промышленности должно было, по его мнению, побудить финансовый капитал к тому, чтобы заставить правительства своих стран изобрести способы мирного разрешения межгосударственных конфликтов и уравнивания интересов. Возникший в итоге мировой «интер-империализм» должен был ознаменовать, к всеобщему удовольствию, пришествие эры мирного индустриального прогресса человечества по Сен-Симону.

Ну ладно, левые политические публицисты всегда спорили друг с другом. Но посмотрим, как предвидел уже близкое будущее европейского империализма еще один исследователь из стана добропорядочных буржуазных экономистов, Дж. Гобсон (Hobson). Ниже приведена пространная цитата из его книги «Империализм», вышедшей в 1902 г. – задолго

до работы Ленина и приведенная в ней. Прошу прощения у читателя за длинную цитату, но она, несомненно, представляет большой интерес.

Вот как видел и оценивал Гобсон последствия усилий империалистических стран Европы по экономическому подчинению Китая, в случае если эти старания увенчаются успехом (цит. по тексту В.И. Ленина): «Большая часть западной Европы могла бы тогда принять вид и характер, который теперь имеют части этих стран: юг Англии, Ривьера, наиболее посещаемые туристами места Италии и Швейцарии, населенные богачами и аристократами, т.е. маленькой кучкой состоятельных людей, получающих дивиденды и пенсии с далекого Востока, вместе с несколько более значительной группой профессиональных служащих и торговцев и с еще большим числом домашних слуг и рабочих в перевозочной промышленности и в промышленности, занятой окончательной отделкой фабрикатов. Главные же отрасли промышленности исчезли бы, и массовые продукты питания, массовые полуфабрикаты приехали бы, как дань, из Азии и из Африки... Вот какие возможности открывает перед нами более широкий союз западных государств, европейская федерация великих держав: она не только не двигала бы вперед дело всемирной цивилизации, а могла бы означать гигантскую опасность западного паразитизма: выделить группу передовых промышленных наций, высшие классы которых получают громадную дань с Азии и с Африки и при помощи этой дани содержат большие прирученные массы служащих и слуг, занятых уже не производством массовых земледельческих и промышленных продуктов, а личным услужением или второстепенной промышленной работой под контролем новой финансовой аристократии. Пусть те, кто готов отмахнуться от такой теории, как от незаслуживающей рассмотрения, вдумаются в экономические и социальные условия тех округов современной южной Англии, которые уже приведены в такое положение. Пусть они подумают, какое громадное расширение такой системы стало бы возможным, если бы Китай был подчинен экономическому контролю подобных групп финансистов, «поместителей капитала», их политических и торгово-промышленных служащих, выкачивающих прибыль из величайшего потенциального резервуара, который только знал когда-либо мир, с целью потреблять эти прибыли в Европе. Разумеется, ситуация слишком сложна, игра сил слишком трудно поддается учету, чтобы сделать очень вероятным это или любое иное истолкование будущего в одном только направлении. Но те влияния, которые управляют империализмом западной Европы в настоящее время, двигаются в этом направлении и, если они не встретят противодействия, если они не будут отвлечены в другую сторону, они работают в направлении именно такого процесса....»

Гобсону удивительным образом удалось предсказать едва ли не основные черты, которые примет мир столетие спустя. Можно добавить, что он подметил и дал должную оценку и процессам экономических миграций дешевой рабочей силы из бедных стран юга и востока Европы в богатые западноевропейские страны, уже проявившимся в конце XIX в.

Упоминание Китая у Гобсона отнюдь не случайно и наводит на размышления. На протяжении всего XIX в. эта номинально суверенная страна, даже феодальная империя, рассматривалась колонизаторами как своего рода отъезжее поле для вольной охоты за прибылями. Центральная власть в лице императоров маньчжурской династии одряхла и разложилась. Она не только не обеспечивала развития страны, но с трудом преодолевала сепаратизм местных феодалов. По Китаю, не встречая серьезного сопротивления, почти свободно разгуливали вооруженные экспедиции европейских стран и Америки, а по его рекам плавали канонерские лодки тех же хозяев. Каждый такой набег стоил Китаю потерь в виде отторгнутых или вынужденно сданных в многолетнюю аренду территорий и портов, убыточных для него торговых преференций и таможенных льгот, навязанных на кабальных условиях внешних кредитов и пр. В последние десятилетия XIX в. в Китае стало развиваться массовое низовое национально-освободительное движение («Боксерское восстание» – с характерной эмблемой в виде сжатого кулака). Тогда все это кончилось тем, что в 1901 г. в трогательном единении (вполне по Каутскому) Пекин захватили вооруженные силы восьми колониальных стран, включая Японию, США и, к сожалению, Россию. Власть маньчжурской династии была восстановлена «во имя законности и порядка», что не помешало интервентам разграбить Пекин и стоило Китаю очередных территориальных и экономических потерь.

Да ведь нечто очень похожее, хотя и с другим концом, было и в нашей недавней истории. Как иначе понимать вооруженную интервенцию 14 стран в годы Гражданской войны, когда, казалось бы, огромная Российская империя ослабела и необратимо распадалась? Не одними же джентльменскими симпатиями к белым генералам и разбежавшемуся Временному правительству оправдывали труды и затраты интервентов... Забылось? А не напрасно ли?

Тогда в начале XX столетия История не замедлила подтвердить справедливость именно пессимистического прогноза В.И. Ленина. В 1914 г. началась Первая мировая (а вернее – всеевропейская) война. Это событие ознаменовало начало гигантского кризиса капитализма, растянувшегося почти на столетие и обошедшегося Человечеству, по осторожной

оценке А.П. Капицы, в 280 млн жизней – убитых, умерших от ран, эпидемий, голода и прочих разорений, насилий и неустройств.

III

Это неправдоподобно, но страны Европы вступили в Первую мировую войну без малого с энтузиазмом. Вал националистических настроений захлестнул даже социалистические движения, имевшие, казалось бы, идеологический иммунитет против него. Ко всему этому, впрочем, были свои вполне объективные исторические предпосылки.

Капитализм, интенсивно развивавшийся в Европе на протяжении всего XIX в., успел привить ее народам и этносам стремление к самоидентификации, несвойственное феодальным отношениям, ставящим во главу угла наследственное право. В Европе к тому же накопилось немало застарелых территориальных и межэтнических конфликтов. Финансовому капиталу мешали все еще сохранявшиеся консервативные монархии, начиная с Австро-Венгрии. Все предвкушали от победоносной войны какие-то прибыли. Ее детонатором стала, как известно, кайзеровская Германия.

Немцы после долгожданного объединения в единое государство, представляли собой молодую, пассионарную, как сказал бы Л. Гумилев, нацию. К тому же – нацию весьма культурную, с исторически укорененным уважением к труду и дисциплине. Германская промышленность энергично развивалась, а во главе государства стояло дееспособное и откровенно милитаристское правительство. Для национального самоутверждения и процветания Германии, обделенной заморскими колониями и даже удобными выходами в океан, недоставало, как считалось, одного: собственной, подконтрольной только ей сферы политического влияния и «хозяйственной деятельности» для ее молодого финансового капитала. Такие настроения культивировались в Германии со второй половины XIX в. и нашли мировоззренческое отражение в известном ницшеанском термине «жизненное пространство». Экспансионистские политико-экономические настроения, господствовавшие в Германии, не составляли секрета, как и имена ее естественных противников. Это были, прежде всего, великие колониальные державы Англия и Франция, образовавшие ядро антигерманского союза – Антанты («Сердечного согласия» в полном переводе).

Первая мировая война оказалась первой не только по историческому счету. В ней впервые использовался весь арсенал новейших средств вооруженной борьбы, которыми

одарил передовые страны быстро развивавшийся научно-технический прогресс. Она оказалась еще в полной мере «войной экономик» и «войной народов» – в том смысле, что так или иначе влияла на жизнь всех граждан воюющих стран, независимо от удаления от зоны боевых действий.

Психологические последствия войны были сокрушительными. После почти полутора тысячелетий взаимных вторжений, грабежей и территориальных переделов западные европейцы, казалось, отныне зареклись воевать друг с другом – во всяком случае, на территориях собственных стран (на военные предприятия в колониях зарок явно не распространялся). Практические последствия этой умственной трансформации не замедлили проявиться в начале следующей, Второй мировой войны. Тогда вся Западная Европа по сути дела без боя подчинилась немецко-фашистской агрессии. Движения сопротивления развернулись в некоторых странах только во второй фазе войны, когда агрессор ослабел и исход войны стал вполне предсказуем...

Первая мировая война закончилась поражением Германии и ее немногочисленных союзников. Германия превратилась в республику. По условиям Версальского мира она, и без того истощенная войной, была поставлена в тяжелейшие экономические условия. Эти условия были для нее настолько недальновидно суровы, что крупнейший буржуазный экономист XX столетия Дж. Кейнс даже демонстративно вышел в знак протеста из состава английской делегации. Торжествующие победители бросили разоренную и униженную Германию в состоянии экономического, политического и морального кризисов, словно сознательно обрекая ее на непредсказуемое будущее.

Наши современные истолкователи истории любят скорбно напоминать, что А. Гитлер пришел к власти вполне законным путем, с соблюдением всех демократических процедур. Не грех было бы только не забывать при этом добавлять (хотя бы для полноты очень непростой картины), что массовую поддержку избирателей национал-социалистам обеспечили обещания социального равенства и упорядочения внутренней жизни страны, что кадровым ядром штурмовых отрядов была всегда шовинистически настроенная мелкая буржуазия и что в критический момент решающую поддержку Гитлеру оказал крупный промышленный капитал Германии. Популярность национал-социалистов оказалась, таким образом, следст-

вием спекулятивного переплетения в идеологии нацизма насущных интересов народных масс с интересами мелкой и крупной национальной буржуазии.

Стоило бы напомнить и о том, что геополитические интенции германского национал-социализма были с полной отчетливостью сформулированы Гитлером еще в 1926–1927 гг. и опубликованы в его же программной книге «Моя борьба». Декларировалось, что Германия должна перестать искать приобретений в Западной и Восточной Европе, возобновив свою историческую экспансию на восток. Под «востоком» подразумевалась Россия и пограничные с нею славянские страны. Их предстояло захватить с помощью «германского меча» и колонизировать в интересах будущего Германии. Строго говоря, Гитлер изначально даже не объявлял себя врагом советского коммунизма. Этим он, его дипломатия и пропаганда занялись позднее – в стремлении повысить престиж фашистской Германии в глазах буржуазных политиков Западной Европы и США. Он не рассматривал немецких коммунистов как серьезных противников. Что же касается СССР, то он стал бы уничтожать там любую суверенную власть – хоть монархическую, хоть самую что ни на есть «демократическую». Ему виделся полный политический и экономический контроль Германии над колонизированными территориями, разве что с участием мелкой компрадорской буржуазии из местных коллаборационистов.

Таким образом, идеология германского национал-социализма – в отношении России–СССР и всего славянского мира вообще – продолжала традицию европейского колониализма; с той разницей, что речь шла не об удаленных, заморских территориях, а о соседних, менее развитых в то время странах, выглядевших легкой добычей. Любителям рассуждать о том, что Вторая мировая война была следствием возникновения «советского коммунизма» или просто схваткой двух тоталитарных хищников за власть над миром, надо бы как следует познакомиться с историей либо попытаться обрести потерянную совесть...

Америка, следуя доктрине Монро, не принимала масштабного участия в войне в Европе (на стороне Антанты), однако извлекала огромные выгоды из торговли с воюющими странами, ослабившими к тому же свое присутствие на мировых рынках. К концу войны США достигли невиданного ранее экономического процветания. «Золотое десятилетие» 1920-х годов было прервано кризисом 1929 г., ознаменовавшим начало Великой депрессии – самого крупного бедствия, постигшего Америку после Гражданской войны Севера и Юга.

Считается, что в США тогда разразился кризис перепроизводства, вызванный противоречием между высокими монопольными ценами на промышленные и продовольственные товары и низкой покупательной способностью населения. Америка оказалась совершенно неподготовленной к экономическим трудностям; достаточно напомнить, что в этой самой богатой стране мира голодные смерти в городах исчислялись в 1929 г. многими тысячами.

Кризис в меньшей степени затронул Европу, зато обогатил экономическую науку XX в. одним из немногих фундаментальных результатов. Он принадлежал уже упоминавшемуся английскому экономисту и государственному деятелю Дж. Кейнсу. Исследуя экономические кризисы, Кейнс сумел убедительно показать, что монополистический капитализм, предоставленный свободному следованию собственным интересам, оказывается принципиально неустойчивым и просто обязан сваливаться в кризисы. Противостоять этому, ради сохранения самого монополистического капитализма, можно, по Кейнсу, только посредством своевременных регулирующих вмешательств со стороны государственной власти. Для этого необходим постоянный мониторинг состояния экономики, осуществляемый с помощью правильно подобранных и надежно определяемых «измерителей». Таким образом, согласно Кейнсу, монополистический капитализм ради самосохранения обязан превратиться в государственно-монополистический.

Теория Кейнса радикально противоречила постулатам рыночного фундаментализма и многократно подвергалась нападкам со стороны адептов экономического либерализма. Однако, так или иначе, но именно Кейнс стал отцом современных макроэкономики и экономической статистики, с их системами показателей и многочисленными практическими рецептами стабилизации экономической жизни посредством корректирующих импульсов государственных институтов.

В теории «кратковременной стабильности капиталистической экономики» Кейнса (по давней характеристике Й. Шумпетера) присутствовал еще один примечательный вывод, который, впрочем, не упоминается всуе. Он гласит, что эффективным стабилизатором государственно-монополистической экономики являются госбюджетные расходы на вооружения и военные действия. Во второй половине XX столетия истеблишмент США многократно использовал этот рецепт для подъема тонаса национальной экономики своей страны.

Рекомендациями Кейнса успешно воспользовался Ф. Рузвельт, ставший в 1933 г. президентом США. Он развил систему социальной поддержки населения, увеличил его покупательную способность, инициировал государственные проекты по модернизации инфра-

структуры страны. Все это было сделано в основном за счет «большого бизнеса», подчинившегося государственной власти под угрозой утраты страной социальной стабильности (и не без ссылок на грозный пример неожиданного превращения Российской империи в СССР). За четыре срока президентства Ф. Рузвельта бюджет федерального правительства США увеличился без малого десятикратно. Государство незаметно превращалось в независимого сверхпредпринимателя, свободного к тому же от необходимости зарабатывать прибыли.

Ф. Рузвельту удалось сохранить социальную устойчивость и как-то нормализовать экономическую жизнь в США, но не удалось окончательно вывести страну из депрессии. К концу 30-х годов в США простаивало около 30% производственных мощностей, а безработица среди трудоспособного населения приближалась к 20%. В обществе и истеблишменте господствовали изоляционистские настроения, и даже производство военной техники находилось в упадке. Между тем за океаном набирал силу и амбиции как бы естественный геополитический соперник США – японский империализм.

Япония не участвовала в Первой мировой войне, но с успехом использовала ее обстановку для наращивания экономической, промышленной и военной мощи. Как и германскому, молодому финансовому капиталу Японии драматически не хватало территорий для свободной «хозяйственной деятельности». Как и в Германии, его интересы находили отклик в амбициях милитаризированной аристократической верхушки. Государственная власть умело использовала для сплочения и мобилизации нации пережитки феодального сознания в умах рядовых японцев, военный потенциал этой страны был очень высок. В отличие от германских, японские военные – после победы в Русско-японской войне – одинаково уверенно чувствовали себя как на суше, так и на море. Более того, Япония строила военные корабли рекордной по тем временам мощи и освоила за 30-е годы даже такую новинку морской военной техники, как ударные авианосцы. Для сравнения стоит заметить, что военный флот Германии, хотя и очень сильный накануне Первой мировой войны, все же уступал английскому «Флоту метрополии». К тому же Германия не имела удобных выходов в океан. По этим причинам ее агрессия сосредоточивалась на суше. Германия не замахивалась на вооруженный захват удаленных колоний, ограничиваясь рейдерством на океанских коммуникациях стран Антанты, и стараясь всячески вредить им в колониях, поддерживала там национально-освободительные движения. После окончания войны Германию не только лиши-

ли военного флота, но и предусмотрительно связали запретом на строительство крупных боевых кораблей...

Не встречая серьезного сопротивления со стороны Америки и европейских держав, занятых собственными делами, Япония захватила и колонизировала Корею, затем – значительную часть Китая. Решительный отпор, полученный от СССР во время двух спровоцированных ею же пограничных инцидентов на Дальнем востоке и в Монголии, побудил японское правительство, по крайней мере, отсрочить дальнейшую экспансию на континенте ради соблазна легко отвоевать многочисленные колонии европейских стран в юго-восточной Азии и в Тихом океане.

Первая мировая война оставила на карте Европы, как выразились бы сейчас, два «государства-изгоя»: Германию и Италию; третья побежденная страна – Австро-Венгрия просто перестала существовать. В ту же категорию следовало бы добавить и Советскую Россию – Союз Советских Социалистических Республик. Нельзя сказать, чтобы его появление особенно напугало тогда «цивилизованные страны». Попытки социалистических революций в Германии и Венгрии были легко подавлены, и СССР рассматривался, скорее, как странный политический казус, которому, конечно, так или иначе следовало бы положить конец. Каким могло видаться такое исправление истории нетрудно было представить на недавнем тогда опыте интервенции. Правительства большинства европейских держав относились к СССР как к некоему бессильному фантому, чему в немалой степени способствовала белоэмигрантская пропаганда. Советское правительство пыталось противостоять этой дискриминации, опасной уже тем, что она создавала иллюзию беззащитности страны, представление о ней как о легкой добыче. (Тогда даже маленькая Финляндия всерьез собиралась отвоевать у СССР Карелию вплоть до Архангельска.) В Москве устраивались внушительные военные парады, широко демонстрировались достижения СССР в авиации и пр. Тем не менее пренебрежительное отношение к новому соседу продержалось в Европе до самого начала Второй мировой войны. Оно ускорило нападение на СССР фашистской Германии, когда даже такой, казалось бы, осведомленный политик, как У. Черчилль, считал, что СССР продержится против этой подавляющей силы не более двух-трех недель.

В начале 20-х годов молодая советская дипломатия удачно использовала ущербное положение Германии и Италии для прорыва политической и экономической блокады СССР со стороны тогдашних «хозяев Европы». С обеими странами были заключены договоры о со-

трудничестве. В Италии, в частности, заказывали проекты боевых кораблей для советского военно-морского флота. Из Германии – почти до начала войны с нею – получали по торговому соглашению сложные промышленные изделия, патенты, лицензии и даже образцы новейшей военной техники.

В целом же экономическое положение СССР было чрезвычайно тревожным. Даже преодолев послевоенную разруху, он оставался сельскохозяйственной страной, с троекратным преобладанием сельского населения над городским, со слабой промышленностью и прикладной наукой. Экспортная торговля была по преимуществу сырьевой, с преобладанием (как и в дореволюционные времена) вывоза зерна и простых сельскохозяйственных продуктов. Нашему современнику, выросшему уже в другом, промышленно развитом СССР, трудно даже вообразить себе такую отсталость: в огромной стране не производилось, к примеру, ручных и карманных часов, велосипедов, оптического стекла, алюминия, самоходной сельскохозяйственной техники – не говоря уже о таких сложных вещах, как авиационные моторы или паровые турбины. Стране предстояло фактически на пустом месте создать многоотраслевую промышленную базу.

Для этого были нужны, прежде всего, огромные долгосрочные капиталовложения. Какое-то время у советского правительства существовали надежды на зарубежные инвестиции. Строго говоря, одной из целей новой экономической политики и было создание в СССР привычных для иностранного капитала форм хозяйственной деятельности, Эти надежды, если и сбылись, то в очень малой степени: в долговечность СССР потенциальные кредиторы просто не верили, а позднее, с развитием мирового экономического кризиса, получение внешних инвестиций сделалось уже и вовсе проблематичным.

Между тем внешнеполитическое положение СССР оставалось сложным и неустойчивым. Особенно трудно складывались отношения с Англией. В нашей истории памятны «Ультиматум Керзона» 1923 г. и спровоцированный в 1927 г. скандал вокруг лондонского представительства внешнеторговой советской компании АРКОС. В последнем случае английская сторона не только расторгла с СССР торговое соглашение, но и разорвала дипломатические отношения. Возникла отчетливая угроза вооруженного конфликта.

Нетрудно предположить, что советское правительство, конечно же, обсуждавшее ситуацию, с тревогой убедилось, что воевать с технически передовой европейской державой Красной Армии по сути дела нечем. Своих новых вооружений не было, взять их было негде, да, так сказать, и «не по карману». Исправить положение можно было только путем пре-

вращения страны из аграрной в полноценно индустриальную. Для этого требовались огромные средства и время, которого явно не было. В СССР не сомневались, что европейские страны и, возможно, Япония, вскоре непременно нападут на него в той или иной коалиционной связке. Несколько лет нэпа нормализовали внутреннюю жизнь и подтолкнули экономическое развитие страны, но – недопустимо медленными для той обстановки темпами.

Перед правительством и народами СССР лежали три стратегических пути. Можно было продолжить нэп и позволить ему постепенно подмять послереволюционный экономический уклад и новое общество, формировавшееся в СССР. Результатом, вероятнее всего, стала бы реставрация капитализма, с возвращением страны к состоянию Российской империи в канун мировой войны – только ослабленной и еще более зависимой от передовых стран. Этот путь к тому же был чреват возобновлением гражданской войны, с новыми кровопролитиями и непредсказуемыми последствиями.

Следуя по второму, явно утопическому, пути нужно было бы, так сказать, «оставить все, как есть» и бросить ресурсы СССР на организацию социалистических революций в других странах. Для этого предлагалось использовать Коминтерн. Он, однако, был совершенно непригоден для столь масштабных и сложных задач и даже начинал своими несогласованными действиями все чаще мешать официальной советской дипломатии (то и другое, кстати сказать, уже отлично видел и понимал И.В. Сталин).

Наконец, третий путь, яростным защитником которого был сам Сталин, требовал мобилизации всех сил и средств для ударной индустриализации страны. На это отводились считанные годы: «иначе нас сомнут».

У каждой из трех стратегий были свои сторонники в партийно-правительственном руководстве СССР. Как известно, тогда, в конце 20-х годов, победил Сталин и его сторонники. СССР двинулся по пути модернизации, беспрецедентной в мировой истории по размаху, глубине и, диктуемыми внешними обстоятельствами, целеустремленности и скорости. То, что модернизация будет сопровождаться огромными социальными издержками было известно заранее – из исторического опыта стран, уже переживших индустриализацию. Было понятно и то, что мобилизационная обстановка потребует чрезвычайного напряжения и даже принуждения. Естественным оказалось и возникновение ожесточенной внутривнутриполитической борьбы.

История СССР 30-х годов в общих чертах известна и продолжает изучаться. Не желая предвосхищать окончательные выводы историков, предложим современным критикам на-

шего советского прошлого вообразить, где были бы сейчас (были бы вообще) они сами, окажись тогда во главе страны некая милейшая личность из категории «белых и пушистых», с иными свойствами характера и талантами, нежели у негиблемо волевого и реалистичного И.В. Сталина? Или хотя бы только если бы заседания Совета обороны погрязли в политических сваргах?

Превращение Германии в идеократическое национал-социалистическое государство чрезвычайно осложнило и запутало обстановку в Европе середины – конца 30-х годов. К исходу этого предвоенного десятилетия политическая Европа представляла собою запутанный клубок противоречивых опасений, надежд, намерений, интересов, дипломатических интриг и акций разнообразных спецслужб.

Союзные Англия и Франция больше всего опасались немецкой экспансии на запад, старались не раздражать Берлин и с высокомерным недоброжелательством посматривали на СССР. Они отдали немцам Чехословакию и объявили о невмешательстве в Гражданскую войну в Испании, в которой Берлин поддерживал Франко. Отгородившись от Германии барьером войсковой группировки, имевшей, как потом выяснилось, запрет на ведение боевых действий, правительства обеих стран надеялись развернуть вектор германской экспансии на восток. Англия, согласно исторической традиции, заботилась еще о Польше, в которой видела надежный кордон против «русского большевизма».

В странах Прибалтики, в Финляндии, Венгрии и Румынии установились националистические профашистские и прогерманские режимы. Союзная с Германией Италия помогала франкистам и немцам в Испании, строила военные корабли, и Муссолини называл Средиземное море «Наше море».

В Москве справедливо считали равно враждебными как фашистскую Германию с ее сателлитами, так и противостоявшие им страны Западной Европы. На протяжении почти двух десятков лет советская дипломатия тщетно пыталась вывести СССР из военно-политической изоляции, заключив хоть с какой-нибудь достаточно мощной страной оборонительный договор. СССР единственный предложил Чехословакии военную помощь против Германии, но Польша отказалась пропустить советские войска через свою территорию. Он же поддержал республиканское правительство в гражданской войне в Испании. В Лиге Наций советские представители не раз, но безуспешно предлагали создать в Европе систему коллективной безопасности. По инициативе Москвы все-таки начались переговоры об обо-

ронном союзе СССР с Англией и Францией, но были утоплены в издевательских проволочках. В такой-то обстановке советское правительство с облегчением подписало мирный договор, предложенный Германией, – в надежде оттянуть внешнее нападение с запада хотя бы до 1943 г., когда планировалось закончить перевооружение Красной Армии. Договор позволил СССР слегка отодвинуть на запад свою государственную границу и еще на какое-то время сохранить доступ к промышленному потенциалу Германии.

То, что советское правительство не озаботилось тогда судьбами Западной Европы, естественно и не предосудительно. Ее ведущие политики не делали секрета из своей враждебности СССР и из надежд направить германскую агрессию в его сторону. Они же систематически блокировали призывы СССР к заблаговременному созданию в Европе антифашистской коалиции. Так и в Москве могли надеяться, что война в Европе взаимно ослабит непримиримых врагов СССР. Но вот предвидеть «странную войну», в результате которой, по сути дела, вся Западная Европа без серьезного сопротивления подчинилась третьему рейху, не ослабив, а усилив его, было решительно невозможно.

Гитлер готовил Германию к судьбоносному броску на восток. Ему нужно было обеспечить хотя бы нейтралитет западноевропейского тыла, а лучше – еще и доступ к его материальным и производственным ресурсам: за немногие годы правления национал-социалистов Германия не успела создать избыточную экономическую базу. Весьма вероятно, что тогда предпринимались попытки к заключению союза между Германией и Англией. В правящих кругах, последней тогда бытовали если не профашистские, то прогерманские симпатии; наверное не случайно, что подробности известной «миссии Гесса» и до сих пор скрываются англичанами в секретных архивах.

Вторая мировая война началась в 1939 г. с немецкой провокации на польско-германской границе. В 1941 г. Германия напала на СССР. К тому времени она подчинила себе по сути дела всю Западную Европу и вытеснила с континента Англию. В распоряжении Гитлера оказались еще и огромные материальные ресурсы, промышленный и научно-технический потенциалы большинства стран западноевропейского субконтинента.

На Дальнем востоке союзная с Германией Япония тоже вступила в войну за колонии. Она, не встречая особого сопротивления, двинулась на юг, последовательно захватывая английские и голландские колонии, с дальним прицелом на Индию и даже Австралию. Ввиду таких обширных планов японцы, как представляется, решили повторить удачный опыт Гер-

мании по обеспечению тылов. Для этого они постарались уничтожить ядро военно-морского флота США на Тихом океане. До того, по просьбе У.Черчилля, президент Рузвельт расположил главные силы американского ВМФ на Гавайях, что японцы вполне могли рассматривать как недружественный акт. Историки, кажется, до сих пор спорят, действительно ли американская разведка проглядела подготовку к нападению на Перл-Харбор или же президент Рузвельт сознательно придержал ее доклад для того, чтобы затем разом переломить изоляционистские настроения в американском обществе. Так или иначе, но США объявили войну Японии и автоматически оказались в состоянии войны и с фашистской Германией. Война сделалась по-настоящему мировой.

В наши дни некоторые историки склоняются к тому, чтобы считать обе мировые войны двумя фазами одного исторического эпизода. Представляется, что изложенная выше последовательность фактов и их содержание подтверждают эту концепцию. Мировой капитализм, полностью сформировавшийся к началу XX столетия, стал превращаться в империализм, монополистические устремления которого провоцировали конкурентный силовой передел сфер политико-экономического господства.

В Первую мировую войну Германия, исторически обделенная заморскими колониями, попыталась достичь этих целей посредством политического подчинения европейских метрополий. Она не только потерпела поражение, но была разорена и унижена более удачливыми конкурентами. При этом противоречия, ставшие поводом для конфликта, отнюдь не исчезли, а только обросли своего рода апологетикой в виде идеологии германского национал-социализма. Геополитической новинкой оказалось перенесение колонизаторских устремлений с удаленных «заморских» колоний на соседние, суверенные государства Евразии – земли, населенные «недочеловеками» – славянами. Славян, особенно русских, в Европе никогда не считали «своими», к тому же они впали в опасную ересь большевизма. Соответственно колонизация Белоруссии, Украины и России – на первых порах Урала – не должна была бы вызвать в «цивилизованных странах» особых протестов – за пределами ревности к усилившейся Германии. Ну, а то, как выглядела бы немецко-фашистская колонизация на новообретенных туземных территориях, показало поведение оккупантов в Польше и СССР.

Японский империализм в какой-то мере «методически» опередил германский. Япония захватила соседнюю Корею и часть Китая еще до начала Первой мировой войны, установив там жесточайший колониальный режим. В короткий промежуток между войнами она

стала поглядывать в сторону восточных территорий СССР. Однако развязанная Германией война в Европе, связавшая традиционные метрополии колониального мира, породила соблазн легкой добычи в Азиатско-тихоокеанском регионе.

То, что подоплекой крупных вооруженных столкновения XX в. были своекорыстные интересы финансового капитала богатейших стран, считалось прописной истиной уже в первой половине XX столетия. Было бы, конечно, упрощением представлять дело так, что буржуазное государство безропотно подчиняется командам финансового капитала – правильнее говорить об их постоянном обоюдновыгодном взаимодействии. Полномочия «ночного сторожа» рыночных идеалистов расширились, он охотно дополнил сигнальную колотушку дубиной и выказал готовность к грабительским походам в соседские владения. За это капиталу пришлось считаться и с его мнениями и интересами, а иногда терпеть окрики и даже тычки. Собственно говоря, эта картина понятна и даже естественна, если помнить, что любое государство является вторичным, надстроечным образованием по отношению к экономическому базису. Станным образом, эта простая мысль, подтвержденная огромным историческим опытом, не укладывается в сознание наших «постперестроечных» энтузиастов-рыночников из интеллигенции: они, похоже, упорно считают, что это именно и только они как вольные члены гражданского общества правомочны нанимать государственную власть – исключительно для того, чтобы их не грабили в темных подъездах. Ну а все относящееся к организации хозяйственной жизни лучше всех на свете сама по себе сделает та самая «невидимая рука рынка»...

IV

Итоги Второй мировой войны оказались в разительном противоречии с устремлениями тех, кто провоцировал ее, – таком, что впору почтительно помыслить о вмешательстве Десницы Господней.

Страны–агрессоры были не просто побеждены, а разгромлены вместе с их политическими и экономическими системами. Невольные сателлиты Германии из числа стран Западной Европы были экономически истощены, их станочные парки изношены, население обеднело и его покупательная способность стала ничтожной. Правда, сохранились банковские

системы и мировой финансовый центр в Швейцарии; обе воюющие стороны согласились оставить за ней нейтральный статус и соответственно роли общего финансового посредника и удобной площадки для всевозможных неофициальных контактов.

Советский Союз, которому было подготовлено исчезновение из истории, необыкновенно усилился в военном отношении и представал во образе триумфатора, внесшего основной вклад в победу над главным общим врагом. В те времена в мире не находилось охотников принижать этот вклад или с идиотическим высокомерием рассуждать о том, что в Войне «победили не советская власть и не Сталин, а народ – вопреки глупостям и ошибкам руководства страны и жестоких неумелых генералов». Моральный авторитет СССР был чрезвычайно высок во всем Западном мире, так же как авторитет национальных коммунистических партий, заслуживших признание в качестве самых непримиримых и самоотверженных борцов с немецким фашизмом. Во всех странах Антигитлеровской коалиции, не включая США, оживились левые политические силы. Во Франции, Италии, Греции коммунисты имели реальные шансы прийти к власти. В Югославии уже существовало коммунистическое правительство. В некоторых других странах образовались и действовали широкие левые коалиции – народные фронты.

Политическое будущее стран, временно оккупированных Советской Армией при ее продвижении на запад, оставалось неясным. Было понятно, однако, что СССР станет содействовать установлению там просоветских политических режимов и что противодействовать этому не удастся: победоносная Советская Армия, развернутая на доброй четверти Европы, представляла собою совершенно необоримую силу. (Неплохо бы вспомнить, что эта армия не сделала ни шага на запад от предварительно согласованной демаркационной линии – ни сразу же после окончания войны, ни в последующие годы.)

Заморские колонии продолжали экономически подпитывать свои обедневшие и ослабевшие метрополии. В них, однако, неудержимо развивались освободительные движения, подталкиваемые национальным капиталом, окрепшим за годы войны. В развивавшейся политической жизни некоторых колоний возникли прокоммунистические течения. То, что вся колониальная система движется к неминуемому распаду, было очевидно даже такому убежденному колониалисту, как У. Черчилль. За этим обязана была последовать какая-то глубокая перестройка всей «хозяйственной деятельности» финансового капитала некогда богатейших стран Западной Европы.

США оказались единственным из участников Второй мировой войны, получившими от нее отчетливые экономические выгоды. Обширные государственные ассигнования на военную технику и обеспечение вооруженных сил вместе с субсидиями на поставки по Ленд-лизу (начавшиеся в 1940 г. с поставок для Англии) быстро вывели экономику США из депрессии. Промышленность заработала с полной нагрузкой, безработица исчезла, и жизненный уровень американцев стал уверенно расти. Однако, как вскоре выяснилось, эта экономическая идиллия оказалась недолговечной.

Во второй фазе войны, когда ее результат стал вполне предсказуемым, начали уменьшаться целевые ассигнования из федерального бюджета. Одновременно «большой бизнес», осмелевший в предвкушении послевоенных доходов, принялся освобождаться от мер государственного регулирования, введенных Рузвельтом в ходе подготовки к войне и на время военных действий. Результаты не замедлили проявиться: начиная с 1944–1945 гг. внутренний валовой продукт США стал падать настолько сильно и быстро, что впору было думать о возвращении Великой депрессии. Вновь начал снижаться уровень жизни американцев и нарастать безработица, а с этим и левые политические движения.

Первые годы после Второй мировой войны можно считать низшей точкой общего кризиса мирового монополистического капитализма. Было очень похоже на то, что проблемы финансового капитала, так страшно дискредитировавшего себя двумя кровопролитнейшими и разорительными мировыми войнами, не встречают особого общественного сочувствия. Вопрос о том, действительно ли капитализм имеет историческое будущее или обречен уже вскоре уступить место социализму, переходил из сферы отвлеченных теоретических дискуссий в практическую плоскость. Для монополистического капитализма настало время срочно спасаться, и эта задача окрасила всю мировую историю вплоть до дней сегодняшних. Знать велик был и до сих пор не забывается тот давний испуг!

Начальные стадии общего кризиса монополистического капитализма протекали в согласии с пессимистическими предсказаниями В.И. Ленина. Конкуренция финансового капитала богатейших стран действительно вылилась в две гигантские войны. Ленин, однако, несколько ошибся в прогнозе итогов такой схватки: капитализм уцелел, хотя и с немалым уроном в пользу новой общественной формации – социализма, начавшего складываться в России–СССР и выказывавшего тенденцию к распространению на все новые и новые страны. Но на стадии выхода из кризиса – после 1945 г. – финансовый капитал действовал уже так,

как предсказывал К. Каутский. Самосохранения ради этот капитал принялся изыскивать другие, более цивилизованные способы монополизации, без, так сказать, ритуального убийства и поедания конкурента. Империализм (зрелый капитализм со сформировавшимся финансовым капиталом) собирался трансформироваться в «интер-империализм» по Каутскому. (Классики науки на то и классики, что неизвестно как, но умеют редко ошибаться!) На небездоходную роль организатора спасения мирового капитализма вызвались США самая сильная капиталистическая страна послевоенного мира.

Наибольшие угрозы были очевидны. Прежде всего, по мере распространения социализма, сжималась, наподобие шагреновой кожи, территория, доступная для пресловутой «хозяйственной деятельности» мирового финансового капитала. Победа коммунистов в гражданской войне в Китае и установление социалистических режимов в странах центральной и восточной Европы означало бы потерю им четверти земной суши с населением около миллиарда человек. Другой витальной угрозой было расстройство и сокращение международной торговли, в том числе вследствие падения платежеспособного спроса. Достаточно сказать, что послевоенный объем экспорта из США в Европу оказался существенно ниже предвоенного. Борьба с этими двумя угрозами и составила основное содержание экстренных мер по спасению мирового монополистического капитализма.

Прежде всего, для консолидации усилий требовалось назвать конкретного врага. Им с очевидностью был СССР как цитадель «мирового коммунизма». Нужно было, следовательно, преодолеть общественные симпатии к этому вчерашнему союзнику и освободителю от германского фашизма. Эту непростую тогда задачу блестяще решил У. Черчилль в своей знаменитой Фултонской речи, прозвучавшей 5 марта 1946 г., всего лишь через считанные месяцы после Потсдамской конференции и совместной победы союзников над Японией.

Роль глашатая антикоммунизма и антисоветизма досталась именно Черчиллю не только вследствие его известности в качестве яростного врага коммунизма вообще и СССР в частности. Недавно, после публикации личной переписки Черчилля с Рузвельтом, стало известно, что эти политики коренным образом расходились во взглядах на послевоенное устройство мира и роль в нем СССР. Рузвельт, вероятно, еще учитывал симпатии к Советскому Союзу, распространившиеся тогда в американском обществе и полагал, что во главе послевоенного мира мог бы встать союз США и СССР. Взгляды Черчилля были совсем иными и настолько, что Рузвельт поговаривал, будто видит свою послевоенную задачу в том, чтобы не дать ему поспорить США с СССР.

После неожиданной(!?) кончины Рузвельта накануне Потсдамской конференции в его президентском кресле оказался провинциальный американский политик и коммерсант Г. Трумэн. На Потсдамской конференции Трумэн и Черчилль дружно противостояли Сталину. При том Трумэн отнюдь не имел тогда авторитета и влияния своего предшественника. Выступать с политическим заявлением, категорически перечеркивавшим все союзнические отношения между СССР, США и странами Западной Европы, освященные совместной борьбой и жертвами, ему было опасно по внутривнутриполитическим причинам, и вообще – «не по чину». Положение Черчилля было иным. Он не занимал тогда государственного поста, но продолжал считаться одним из двух (после смерти Рузвельта) крупнейших мировых политиков, да и моральных проблем в политике для него никогда не существовало. Не возникает сомнений в том, что речь Черчилля была заранее согласована и одобрена Трумэном: не случайно же произнес ее в захолустном Фултоне, примечательном разве тем, что в его окрестностях располагалось поместье Трумэна, где и гостил Черчилль накануне своего выступления.

К тому же Черчилль получал нерядовую для отставного политика возможность напомнить миру, в предвидении распада Британской империи, что Англия не просто небольшой остров у восточного побережья Европы, а все еще мировая политическая и военная сила, имеющая к тому же могущественного англосаксонского соплеменника в лице США.

Фултонская речь бескомпромиссно, и по форме даже грубо, политически отделяла СССР («Советскую Россию» у Черчилля) от всего множества капиталистических стран. Последние призывались сплотиться вокруг атлантического союза трех англосаксонских стран – США, Англии и Канады – для совместного вооруженного отпора натиску мирового коммунизма. Речь Черчилля была построена таким образом, что у недостаточно внимательного читателя вполне могло возникнуть впечатление, что и сама Вторая мировая война затевалась «мировым коммунизмом» ради распространения своей тирании на несчастные страны Центральной Европы.

Уместно заметить, что именно в Фултонской речи – впервые в ответственном политическом документе – был поставлен смысловой знак равенства между капитализмом, свободой (в чем и для кого?) и демократией (какого типа?). Эти ценности объявлялись исключительной монополией именно и только капиталистического общественного строя – в тех формах, как он сложился в США и в странах Западной Европы. Любые формы общественного устройства, основанные на коммунистической идеологии, объявлялись тираниями, тоталитарными режимами, царствами несвободы и богоборчества. Демократические страны при-

зывались к совместному отпору коммунистической угрозе, а возможно, и к военным действиям по освобождению поработанных коммунистами европейских народов. Все это, конечно, – «во имя свободы и демократии», хотя какие уж только политические монстры не подвизались в рядах антикоммунистических крестоносцев! «Руку Москвы» начали усматривать в любом левом политическом и национально-освободительном движении.

В Фултонской речи впервые прозвучало и метафорическое выражение «железный занавес», будто бы усмотренный бдительным Черчиллем. На самом деле Черчилль просто выдумал его. В послевоенной Европе еще не было отчетливых государственных границ. Берлин еще не перегораживала знаменитая стена. Граждане СССР еще беззаботно слушали передачи английского радио, постепенно становившиеся все более политически агрессивными, читали газету «Британский союзник» и с интересом листали гляцевый журнал «Америка», покупаемый в киосках Союзпечати.

Так или иначе, но холодная война Советскому Союзу была объявлена его прежними соратниками и буквально назавтра после окончания Второй мировой войны. Вина СССР состояла тогда разве что в самом факте его существования и в том, что он следовал прежним межсоюзническим соглашениям и пытался использовать в своих интересах предоставляемые ими политические возможности. Далее предстояли практические действия.

Первые послевоенные годы ознаменовались интенсивной, можно сказать судорожной, деятельностью американской дипломатии. В результате по периметру СССР возникало и уплотнялось кольцо баз ВВС США. В западной оккупационной зоне Германии возродилась военная разведка из бывших нацистских «специалистов» (Организация генерала Гелена). Восстанавливались и оснащались американским оружием армии западноевропейских стран и прочая, и прочая. Наконец в 1949 г. возникла военно-политическая организация НАТО – под началом американского командующего и однозначно нацеленная против СССР. Не показатель ли, что противостоящая ей военная организация стран Варшавского Договора образовалась только годы спустя, уже после смерти И.В. Сталина?

Финансово-промышленная элита США, при всесторонней поддержке федерального правительства, энергично занялась, так сказать, установлением нового порядка в мировом хозяйстве. Начало этому было положено еще до окончания войны знаменитой Бреттон-Вудской конференцией 1944 г., созванной для упорядочения международных расчетов за поставки по Ленд-лизу. В первые же послевоенные годы по инициативе США возникло целое

созвездие международных организаций, таких, как Международный валютный фонд, Международный банк для реконструкции и развития, Всемирная торговая организация. С 1947 г. начал осуществляться План Маршалла для Европы; он действовал три года вместо запланированных пяти, после чего его администрация влилась в управленческие структуры НАТО.

Если коротко, то деятельность всех этих организаций сводилась к восстановлению международной торговли за счет субсидий и кредитов. Те и другие предоставлялись на строго оговоренных условиях (в том числе – политических) и при жестком контроле за их расходованием. Кредиты предназначались для закупок по импорту – главным образом из США, при все возрастающей доле военной техники.

Примечательно, что деятельность новых международных организаций контролировалась именно американцами: ими составлялись их уставы и структура совместного капитала. Таким образом была выстроена система для почти бесконкурентного экспорта капитала из США в страны Западной Европы, выгодного вследствие дешевизны местной квалифицированной рабочей силы.

Интенсивный приток капитала и промышленной продукции из США довольно быстро – примерно за десятилетие – оживил и восстановил экономику Западной Европы. Парадоксальным образом в особом выигрыше оказалась Западная Германия. Она полностью обновила производственную базу своей промышленности, за чем всегда следует скачек производительности труда. К тому же как побежденная страна Германия не несла расходов на военные цели.

Нечто подобное происходило и в Японии, где бесконкурентно господствовал тогда американский капитал. Кроме того, ее экономика получала дополнительные дивиденды от того, что эта страна на многие годы превратилась в тыловую базу вооруженных сил США, нацеленных против Китайской Народной Республики и КНДР. Японский финансово-промышленный менеджмент сумел использовать особенности национального характера сограждан для выработки той специфической патерналистской культуры трудовых отношений, каковой и до сих пор славится именно эта страна. Все это и образовало фундамент для последовавшего вскоре экономического рывка, получившего название «Японское чудо».

Доходы от экспорта капиталапромышленной продукции оживили экономическую жизнь и в самих США, внутренний валовой продукт которых начал снова расти. Однако окончательно ликвидировать остатки Великой депрессии удалось только после принятия дополнительных мер. В 1949 г. президент Трумэн возобновил упраздненный к концу войны

постоянный «государственный заказ» на массовое производство вооружений. А в 1951 г. США ввязались в конфликт в Корее, превратившийся в затяжную Корейскую войну. Правительство Трумэна придало тогда этому, в сущности мелкому периферийному конфликту в небольшой стране, совершенно разоренной японской оккупацией, смысл судьбоносной битвы с мировым коммунистическим заговором за свободу и демократию. При вялом (!) сопротивлении СССР американцы добились придания войне в Корее статуса операции ООН, хотя участие в ней других капиталистических стран оказалась чисто символическим. Война, как известно, закончилась ничем. Но для экономики самих США она ознаменовала начало устойчивого и быстрого роста. Давний вывод Дж. Кейнса о военных затратах как об эффективном стабилизаторе государственно-монополистического капитализма получил неоспоримое подтверждение.

Попутно в экономике США происходили симптоматичные изменения. Быстро возрастало число транснациональных корпораций с американским капиталом, открывавших многочисленные филиалы в Западной Европе. В недрах госаппарата США стала формироваться специфическая новая структура, которой президент Д. Эйзенхауэр, неожиданно для себя обнаруживший ее существование, дал название военно-промышленного комплекса. Речь шла о целой армии чиновников Пентагона, выросшей к началу 60-х годов до 55 тыс. человек и контролировавшей размещение и выполнение военных заказов на 20 тыс. фирм, включая крупнейшие промышленные корпорации США. По представлениям самих американцев, их ВПК был анклавом госкапитализма в, казалось бы, безупречно рыночной экономике этой страны. Он не только существовал на средства федерального бюджета, но и изымал «свои» фирмы из конкурентной среды, спасая их от банкротств. ВПК США в лице управляющего бюрократического аппарата и привлеченных промышленных предприятий сделался и остается неотъемлемым компонентом экономики этой страны, средоточием наиболее совершенного производственного оборудования и передовых технологий, как и мощнейшей лоббистской структурой.

Итак, примерно за десять лет после 1945 г. сомножеству самых развитых капиталистических стран удалось восстановить систему мирового хозяйства, разрушенную ими же в конкурентном конфликте. Как структурно, так и по технике экономических взаимодействий новая система мало отличалась от прежней предвоенной. Старые колониальные страны пока еще сохраняли свои заморские колонии, за исключением разве что Японии, потерявшей

Китай и Корею. Прежней оставалась и экономическая роль колоний. Были, однако, и многозначительные отличия: если в результате Первой мировой войны, ознаменовавшей начало общего кризиса капитализма, из сферы господства мирового монополистического капитала выпала бывшая Российская империя, то после второго, еще более страшного шока, к ней присоединились страны Центральной и Восточной Европы, Китай и часть Кореи. И не было уверенности, что эти потери – последние.

Многозначительную эволюцию претерпел и мир развитых капиталистических стран. Его элиты договорились отныне улаживать конфликты, возникающие в процессе конкурентной борьбы собственных монополистов, исключительно мирным путем и создали для этого ряд особых международных организаций. Испуганный перспективами дальнейших потерь, необузданно агрессивный первоначальный империализм превращался в цивилизованный «интеримпериализм», предсказанный Каутским.

В его систему, однако, было заложено некое противоречие, искажающее саму основу рыночных отношений – равное право на свободную конкуренцию. Возникшая конструкция оказалась сугубо патерналистской, где «право первородства» неоспоримо принадлежало американскому финансовому капиталу. Со временем это противоречие стало обостряться, и если это происходило довольно медленно, то только благодаря особому стабилизирующему фактору – существованию военно-политической организации НАТО.

Конечно, декларированное назначение этой организации состояло в защите Западного мира от натиска «советского коммунизма». Но европейские политики не могли не помнить, что обе мировые войны, не говоря уже о бесчисленных прежних междоусобных войнах, были спровоцированы самими европейскими странами. Имея, таким образом, веские основания не доверять ни себе, ни соседям, эти политики могли чувствовать себя спокойнее, когда армии европейских стран оказались, так сказать, обобществленными под началом страны, не скомпрометированной агрессией против Европы. Думается, что эти смутные ощущения до сих пор влияют на отношение европейцев к дальнейшей судьбе НАТО, превратившейся ныне в реликт эпохи холодной войны.

V

Подробная научная история холодной войны еще не написана. Нам, впрочем, достаточно ограничиться пониманием смысла этой войны, представлениями о ее экономическом и социальном фонах и обусловленных ею изменениях в экономике и обществе противоборствовавших сторон.

Главная особенность холодной войны, ее отличие от других войн новой и новейшей истории заключалась в том, что это была, по сути, война идеологий. Противоборствовали не узкие интересы отдельных государств или представления наций об их месте в истории. На сей раз соперничали старая и новая модели организации общества и экономики, каждая из которых претендовала на единственность и оптимальность. Декларативно, обороняющейся стороной было сообщество империалистических (в смысле В.И. Ленина) самых богатых стран мира во главе с США. На деле же, это была очередная, уже не первая в короткой истории СССР схватка за выживание как государства с новым, не виданным общественным строем. В отдаленных аналогиях ее можно было бы сравнить с борьбой за независимость и, так сказать, политическую оригинальность союза Североамериканских Штатов в середине – конце XVIII в. Будущим США тогда помогла пространственная отдаленность от силовых центров феодального мира, которой отнюдь не было у Советского Союза.

Сразу же после Фултонской речи У. Черчилля и уже открыто после образования НАТО в 1949 г. США начали переориентировать свой военный потенциал против СССР и наращивать его. Успешно опробовав атомное оружие в войне против Японии, правительство США организовало разработку теоретических основ применения нового оружия, создало особое стратегическое командование своих ВВС, которое принялось разрабатывать планы превентивной атомной бомбардировки городов, политических и промышленных центров СССР. Число целей в этих планах нарастало по мере увеличения арсенала атомных бомб, и существование таких планов было, что называется, секретом полишинеля. Единственной трудностью было отсутствие средств доставки атомного оружия к целям на огромной территории СССР. Ее собирались преодолеть, создавая все более многочисленные авиационные базы вблизи от советских границ СССР. У него же тогда имелся единственный способ противодействия – угроза ударов по этим базам с применением обычных вооружений. Эта потенциальная угроза американским базам со стороны СССР постоянно обыгрывалась американ-

скими стратегами и пропагандой, внедрявшей в сознание западноевропейцев устойчивый страх перед «танковыми армадами Советов».

Ситуация несколько стабилизировалась после появления у СССР собственной атомной бомбы (что не столько удивило, сколько обидело американцев, уже приученных считать своего противника отсталым и бессильным в научно-техническом отношении – как и полагается тем, кто пренебрегает ценностями «свободы и демократии»). После того как в 1954 г. СССР, даже слегка обогнав американцев, испытал боевой образец водородной бомбы, стратегическое ядерное оружие окончательно перешло из категории средств нападения в категорию оружия сдерживания потенциального агрессора. Неожиданным следствием оказался бум в производстве обычных, «конвенционных» вооружений. Высказывалось подозрение, что горы этого обычного оружия, накопившегося в США к началу 60-х годов, спровоцировали правительство Дж. Кеннеди на полномасштабное вмешательство в войну во Вьетнаме.

Так или иначе, гонка вооружений продолжалась на протяжении всей холодной войны. Стоит напомнить, что СССР достиг полного военно-стратегического паритета с США только к концу 60-х годов, развернув наконец всю стратегическую триаду средств доставки ядерных боезарядов. Только тогда руководители СССР получили возможность считать страну застрахованной от неожиданного – по усмотрению военных и президента США – убийственного нападения и сразу же начали выступать с предложениями по ограничению ракетно-ядерных вооружений. Справедливость требует отметить, что именно США обычно оказывались пионером в разработке все новых и новых видов военной техники. СССР чаще всего только следовал за этими новшествами, нередко, впрочем, превосходя тактико-технические показатели заокеанских прототипов или создавая что-то принципиально новое. В отличие от США, где манипулирование загрузкой предприятий военно-промышленного комплекса периодически использовалось для стабилизации экономики, в СССР военные расходы всегда рассматривались как вынужденная, нежелательная мера, оттягивающая ресурсы от насущных народнохозяйственных нужд. И все же нет четких оснований считать, что СССР претерпел экономический крах из-за перегрузки экономики гонкой вооружений. Этот вопрос, кажется, все еще толком не исследован, и остается полем для пропагандистских спекуляций. Существует между тем оценка, что в 70-е годы оборонные затраты СССР не превышали 8% его ВВП – величины, хотя и внушительной, но отнюдь не катастрофической.

Начиная с конца 40-х годов стала претерпевать давно назревшие изменения политическая карта мира. На протяжении примерно 15 лет развалилась и прекратила свое многовековое существование старая колониальная система.

Новые независимые страны, возникшие на месте прежних колоний, были бедными и политически нестабильными образованиями. Столетия колониальной эксплуатации не оставили там ни навыков политической жизни, ни сбалансированной экономики, ни даже местных кадров специалистов. К тому же ушедшие колонизаторы оставили в мире бывших колоний массу территориальных, этнических и межплеменных конфликтов.

На первых порах бывшие колонии сохраняли традиционные экономические связи с метрополиями. В целом традиционная колониальная практика экономической эксплуатации «мировой периферии» не претерпела заметных изменений. Однако их экономики оказались открытыми, и внешние экономические связи быстро интернационализировались. Неудивительно, что именно финансовый капитал США стал активно осваивать эти новые для него территории «хозяйственной деятельности». Экспорт американского капитала по каналам новых транснациональных корпораций поддерживался американской дипломатией, а в иных случаях и вооруженными силами. Политики США незаметно отказались от доктрины Монро, и в международном дипломатическом языке появился новый термин «зона жизненных интересов США». Вскоре же обнаружилось, что эта зона обладает свойством произвольно распространяться на любые территории и что США не колеблются поддерживать эту своеобразную экспансию военной силой. Они действовали особенно тогда, когда в политике той или иной из периферийных стран усматривалась «рука Москвы». Крупнейшим эпизодом такого типа была Вьетнамская война: американцы сначала посодествовали вытеснению из Вьетнама колониального французского капитала, а затем принялись бороться с «натиском мирового коммунизма».

Борьба финансового капитала богатейших стран за «жизненное пространство» не прекращалась на всем протяжении холодной войны. Главным сеятелем мировой антикапиталистической смуты считался СССР, в конце концов официально объявленный «империей зла». Поскольку разнузданная пропагандистская болтовня об «имперскости» и «экспансионизме» современной России, ее руководителей и народа не утихает и в наши дни, уместно напомнить, каким, на самом деле, была политика СССР в отношении бывших колониальных стран. Когда правительство США без колебаний устраивало в подозреваемых в неблагонадежности странах государственные перевороты, подтягивало военный флот, высаживало

вооруженные десанты, а то и устраивало полномасштабные вторжения, СССР вел себя совершенно иначе – осторожнее и, если так, – честнее. Как и любая страна, преследующая собственные внешнеполитические цели, СССР старался поддерживать страны, склонные следовать по пути построения социализма. Однако во все время холодной войны советские вооруженные силы не вели операций за пределами Советского блока. Он ограничивался скромной экономической помощью дружественным странам, поставками не самой новой военной техники, посылкой военных советников или небольших групп инструкторов и военных специалистов. Единственным исключением стала приграничная для СССР Афганская война, задуманная опять же как ограниченная операция силовой поддержки дружественного национального правительства. За этим, как известно, последовала подлинно истерическая реакция «цивилизованного мира». В результате этого противодействия в интересах, ну конечно же, «защиты свободы и демократии», оказались дестабилизированными Ближний восток и Пакистан, превратился в политическую и террористическую силу исламский фундаментализм. Несчастный Афганистан оказался отброшенным в нищету и азиатское средневековье. Вместо того чтобы превратиться в благостную либеральную демократию, он почему-то сделался мировым поставщиком наркотиков, царством феодальных князьков и прибежищем исламских террористов...

С начала – середины 50-х годов США, а за ними и страны Западной Европы вступили в примерно 15-летнюю эпоху беспрецедентного экономического процветания. В его основе лежало развитие промышленности, обновившей производственную и технологическую базы. Дополнительным стимулятором была продолжавшаяся подпитка, поступающая из стран с колониальной экономикой в виде дешевых сырья, полуфабрикатов и простых товаров, включая продовольственные.

Именно в те годы жизнь в развитых странах приобрела, так сказать, современный облик, становясь все более насыщенной разнообразными новыми или малодоступными ранее товарами – легковыми автомобилями, бытовой техникой и электроникой, включая телевизионные приемники (тогда еще черно-белые). Появились новые конструкционные и синтетические материалы для текстильной промышленности. Заработали первые электростанции на атомной энергии и т.д., и т.п.

Эта эпоха ознаменовалась еще и всеобщим повышением внимания к науке как к источнику знаний, способных воплощаться в полезнейшие технические новшества. Начало

этому историческому сдвигу положили Вторая мировая война и последовавшая за ней гонка вооружения. Наука – фундаментальная и прикладная – с предельной наглядностью продемонстрировала свои возможности в создании все более эффективных видов оружия, средств защиты и разведки. Не сразу, но финансово-промышленные элиты США и других развитых стран Запада все же усвоили, что наука действительно полезна, даже необходима для технологического совершенствования производства, и в этом качестве заслуживает систематической поддержки как со стороны государственной власти, так и частного капитала. Научно-технические системы США и других развитых стран, так сказать, интегрировались в их экономики на правах самостоятельной отрасли и стали узаконено получать немалую долю общественных ресурсов.

Этому сопутствовал быстрый рост численности научно-технических сообществ, члены которых пополняли страту высококвалифицированных наемных работников (рабочей аристократии, как могли бы выразиться марксисты начала века). Нелишне отметить не всем известный факт: в СССР исключительная роль науки как производительной силы понималась всегда, и интенсивный рост научно-технической системы начался там существенно раньше, чем в США и других странах Западного мира.

Другим следствием изменения отношения к науке оказался резкий рост общественного престижа науки и ученых. Научная карьера стала привлекательной. Мнения видных ученых по разнообразным проблемам интересовали общество и уважались. Представителей научной элиты, главным образом из среды обществоведов и экономистов, стали привлекаться к деятельности правительств и штабов политических партий, включать во всевозможные комитеты и в число официальных государственных экспертов. Сопутствующими явлениями стали растущая самооценка научно-технического сообщества, его стремление к социальному самоутверждению и претензия на собственное видение мира.

Эта претензия впервые прозвучала в трудах основоположника идеологии «индустриализма» Сен-Симона. В числе его позднейших последователей можно назвать Т. Веблена и Д. Белла в США и Й. Шумпетера в Европе. Эпоха послевоенного экономического процветания вызвала к жизни новые попытки объяснить его в рамках представлений об эволюции капитализма. К концу 50-х годов в США возникла и приобрела популярность «теория индустриального общества», якобы формировавшегося в этой и прочих наиболее развитых странах тогдашнего мира. Провозглашалось, что эти страны достигли такого развития промышленного производства, что какие-либо проблемы с обеспечением их населением промыш-

ленными товарами попросту исчезли. Каждый член возникшего «общества потребления» получает возможность полностью удовлетворять свои материальные потребности, имущественные и социальные различия сглаживаются, и классовая борьба прекращается. Управление экономикой и обществом постепенно переходит в руки специалистов и становится все более рациональным, исключая возникновение кризисных явлений. Права владения средствами производства постепенно распространяются на всех работников, начинающих приобретать дешевые мелкие акции. Капитализм, признавший приоритет носителей высокого знания, становится «народным» и бесконфликтным – обществом товарного изобилия и равных возможностей.

Значительная доля государственных ассигнований на научные исследования и технологические разработки направлялась на военную тематику; в США в иные годы эта доля достигала 90% и почти никогда не опускалась ниже 50%. В результате в собственности федерального правительства накапливалось постоянно возрастающее количество научных работ, изобретений и технологий, недоступных даже американским промышленникам. Со временем эта научно-техническая информация стала дозированно передаваться в гражданский производственный сектор в виде «технологий двойного назначения». Так, корпорации США, и отчасти их европейских союзников по Североатлантическому блоку становились монопольными владельцами уникальных технологических новинок, способных лечь в основу новых отраслей промышленности или революционизировать старые. Эти новинки, однако, обладали необычной особенностью: впервые в истории мирового научно-технического прогресса новые виды технологий и промышленной продукции возникали не в качестве отклика на потребительский спрос, а исходя из специфических, неведомых обывателю потребностей военных и разработчиков вооружений. Со временем эта ситуация вызовет к жизни такие понятия, как высокотехнологичные производства и виды промышленной продукции, и непредвиденным образом изменит представления о научно-техническом и экономическом прогрессе.

Мы уже отмечали, что холодная война была войной идеологий. И если вооруженное противостояние быстро превратилось в соперничество военных потенциалов, то идеологическая война началась сразу же, никогда не прекращалась и продолжается до дней сегодняшних. Поле боя двух антагонистических моделей общественного устройства было соз-

нение не только народов противоборствовавших сторон. За схваткой внимательно наблюдали народы и вчерашних колоний, и стран Латинской Америки, подвергавшихся экономической эксплуатации финансовых капиталов США и стран Западной Европы.

Сейчас, оглядываясь назад, приходится признать, что силы сторон в идеологической войне были драматически неравными – не в пользу СССР. Дело было даже не в том, что по множеству объективных причин, в том числе природных и исторических, СССР и тогдашние социалистические страны уступали США и даже странам Западной Европы по экономической мощи и уровню жизни граждан. И не в том, что их пропагандистские структуры располагали почти неограниченными финансовыми и техническими возможностями и эффективной поддержкой дипломатии и «разведывательного сообщества». Развертывая идеологическую войну, пропагандисты, прежде всего США, могли использовать и многовековые навыки манипулирования общественным сознанием, накопленные их прессой, и многообразный опыт рекламной деятельности, и наработки пропагандистского ведомства д-ра Геббельса, тщательно ими изученные в послевоенные годы. По сравнению с этой, совершенно «отвязанной», как сказали бы сейчас, пропагандистской машиной, противостоявшие ей службы СССР выглядели чем-то вроде постной «управы благочиния». Советская пропаганда была неразворотливой и опасливой, да еще и постоянно озабоченной тем, как бы не создать помех дипломатии. Она не создавала ложных сенсаций, не возбуждала общественных истерий, избегала перевернуть факты. Свидетельствую как современник: картина мира, создававшаяся советской пропагандой в сознании сколько-нибудь вдумчивого человека, была адекватна реальности. Те, кто ныне догматически стенает по поводу якобы «наглой лживости» советской политической пропаганды, грешат против истины – сознательно или по невежеству.

Собственно говоря, и поражение СССР в холодной войне можно считать поражением в гигантской, растянувшейся на десятилетия, рекламной кампании. Но ее продолжение со стороны идеологов вроде бы окончательно победившего капитализма уже после ухода СССР с мировой арены заставляет задуматься...

Тогда, в конце 50-х – начале 60-х годов, «теорию индустриального общества» подняла на щит и широко использовала политическая пропаганда США. Помнится, что она, вкупе с дополнявшей ее «теорией конвергенции» Гелбрейта, произвела большое впечатление на советскую интеллигенцию (особенно научно-техническую). Отечественная интеллигенция – этот советский средний класс – неузнаваемо увеличившая свою численность именно за годы

советской власти, тоже испытывала потребность в саморефлексии и социальном самоутверждении. Однако партийные идеологи СССР упорно числили ее в роли несамостоятельной, межумочной «прослойки между трудовым крестьянством и рабочим классом». Пока так и не ясно: понимали ли деятели «идеологического фронта» СССР, что эта архаичная формулировка уже никак не соответствует обществу, где работники умственного труда составляют уже ни ничтожную по относительной численности, а массовую социальную группу или просто не решались подступиться к проблеме, не разработанной классиками марксизма-ленинизма?

Подобно тому, как это свойственно образованной элите любого общества, советская интеллигенция испытывала постоянное недовольство теми или иными реалиями жизни в СССР. Именно на нее была направлена пропаганда США и союзных с ними западноевропейских стран, что даже и не скрывалось. Но «прослойке» явно не полагалось иметь собственного мировоззрения и тем более претендовать на его отражение в политической и государственной жизни.

Вот, если угодно, истоки идеологических прозрений акад. А.Д. Сахарова и эмоционального всплеска безответственной политической активности советской интеллигенции на стыке 80-90-х годов, так поспособствовавшего крушению породивших ее страны и общественного строя.

Ну, а рекламной «теории индустриального общества» была суждена совсем недолгая жизнь. Послевоенная эпоха процветания неожиданно оборвалась в конце 60-х годов. В возникшей экономической и политической сумятице она просто забылась и более не вспоминалась. Сохранилась, однако, концепция «общества потребления», начавшего перерождаться в явно тупиковую формацию расточительного и эгоистического «общества необузданного потребления для избранных наций».

VI

Итак, почти двадцатилетняя эпоха послевоенного процветания закончилась чередой политических и экономических кризисов конца 60-х – начала 70-х годов. Темпы роста внутреннего валового продукта в США и в странах Западной Европы значительно снизились. К

тому же, как показывала экономическая статистика, во всех этих странах стал замедляться рост производительности труда. Общепринятое объяснение того и другого предложила научно-техническая элита, в свою очередь, чрезвычайно озабоченная сокращением финансирования исследований и разработок. Предлагалось считать, что рост производительности труда и внутреннего валового продукта замедлились вследствие уменьшения затрат на науку. Из-за этого якобы ослаб приток в производственный сектор новых технологических идей и изобретений. Тогда же вспомнили учение об инновациях, развитое Й. Шумпетером еще в начале XX в. С конца 70-х – начала 80-х годов термин «инновации», используемый к месту и не к месту, прочно поселился в экономическом лексиконе и даже в выступлениях государственных деятелей. Наука же – как прикладная, так и фундаментальная – окончательно укрепилась в общественном сознании в роли создателя инноваций и локомотива технического прогресса и экономик развитых стран.

Рискнем предположить, что на самом деле происходило нечто иное, чем просто кратковременное снижение уровня инновационной активности. Ко времени, о котором идет речь, изнашивались и потребовали модернизации основные производственные фонды старых, традиционных отраслей промышленности развитых стран, некогда обеспечивших им роль главных мировых производителей.

Для фронтального обновления этих основных фондов (а в США еще и инфраструктуры – гидротехнических сооружений, железных дорог, электрических и водопроводных сетей и прочего) требовались огромные деньги с длительными сроками окупаемости. Таких денег в США просто не было – еще и вследствие многолетнего перенапряжения экономики гонкой вооружений.

Финансовый капитал США нашел тогда оригинальный выход из положения: он начал сворачивать старые производства, перенося их, посредством экспорта капитала, в бывшие колониальные страны. Потом этому примеру последовали и многие страны Западной Европы. Дело было выгодное: низкоквалифицированная рабочая сила в «периферийных» странах была дешева, ближе находились источники сырья и меньше хлопот доставляли заботы о сохранении окружающей среды. Ко всему этому добавлялись еще и социальные выгоды: истончался слой классического промышленного пролетариата, постоянно недовольного своим экономическим положением и способного к самоорганизации для отстаивания своих интересов. Освобождающиеся работники переходили в сектор услуг либо зависали на пособиях по безработице. Социальная стабильность так или иначе укреплялась. Средства, выру-

чавшиеся от ликвидации устаревших предприятий, оказывались на фондовых рынках и, как выяснилось позднее, положили начало «пузырю» необеспеченных денег – того самого, что недавно лопнул, спровоцировав мировой экономический кризис.

Процесс реструктуризации производственных систем самых развитых стран мира, а вернее – частичной деиндустриализации этих стран, имел внушительные масштабы. За 30 лет, начиная с 1970 г., только в странах «Большой семерки» исчезло 150 млн рабочих мест (население современной России!) – главным образом в металлургической, текстильной и электротехнической промышленности, в деревообработке и в производстве товаров из минерального сырья и пластмасс. Стоит добавить, что рост производительности труда в развитых странах с тех пор так и продолжает замедляться, а их деиндустриализация продолжается, постепенно распространяясь на сравнительно молодые производства, развернутые в послевоенные годы.

Сомножество самых богатых, самых развитых стран современного мира впадало в своего рода эгоистический гедонизм, отстраняясь от участия в материальном производстве, но наращивая потребление посредством расширения сферы услуг. И делать это, сохраняя рекордный уровень жизни собственного населения, прежде всего – разбухшего среднего класса, странам «золотого миллиарда» удавалось только за счет продолжения экономической эксплуатации «мировой периферии» – бывших колониальных и прочих слаборазвитых стран.

Удивительным, почти неправдоподобным образом, давнее пророчество Дж. Гобсона (см. наш раздел II) начало сбываться почти до деталей. Гобсон – мыслитель эпохи индустриализма – с негодованием относился к перспективе превращения успешных капиталистических стран в страны-паразиты, страны-рантье и не искал тому моральных оправданий. Но 70 лет спустя, в обстановке идеологического соперничества с сообществом социалистических стран, оправдываться приходилось, тем более что разрекламированная концепция «индустриального общества» оказалась несостоятельной. Оправдание, конечно, было найдено, причем в духе новейшей эпохи, – самое, что ни на сеть «научное».

Еще в конце 50-х годов в недрах научно-технического сообщества США сформировалась концепция «постиндустриального общества». Американский социолог Д. Белл, которому приписывают ее авторство, отнюдь не скрывал, что это не теория и не модель – в общепринятом понимании этих слов – а только футурологический сценарий, основанный на экс-

траполяции тенденций. В конце 70-х годов этот сценарий был взят на вооружение политической пропагандой и получил статус «теории», каковой многими с тех пор и считается.

Декларировалось, что в США, с их мощным и продуктивным научно-техническим комплексом, формируется или уже сформировалось «постиндустриальное общество» нового типа. Его связующей и движущей силой является высокое знание, носители которого становятся своего рода аристократией современности, оттесняя в общественном сознании аристократию имущественную. Университеты становятся центрами авторитета и влияния, своего рода храмами современности. Управление обществом и экономикой приобретает недостающую компетентность и рациональность. Такое общество может позволить себе сосредоточиться на производстве нового знания и наиболее сложной, наукоемкой промышленной продукции, предоставляя менее «продвинутым» странам заботы о простых производствах. Выгодно (а лучше всего – монопольно) продавая научно-технический интеллектуальный продукт и наукоемкие товары другим, менее развитым странам, постиндустриальное общество обеспечивает себе экономическое благополучие. Специалисты и высококвалифицированные работники заслуженно получают повышенное жалование, как и работники обширной сферы услуг, обеспечивающей потребности этой своеобразной производственной системы. Население использует обеспеченный досуг для интеллектуального и профессионального совершенствования и т.д.

Постиндустриальный сценарий не имел, да и не мог иметь серьезного экономического и социологического обоснования. Первоначально предназначенный именно и только для США, не затрагивал он и международные аспекты, такие, как генезис и судьбы менее счастливых стран, за счет рутинного труда которых предполагали процветать первопроходцы и творцы постиндустриального общества. Зато он предоставлял прекрасное, причем «научное» объяснение формировавшейся политико-экономической реальности. Любая страна, сворачивающая базовые отрасли промышленности и наращивающая за счет этого сферу услуг, отныне могла претендовать на лестный титул «постиндустриальной». Более того: переход в это состояние мог рассматриваться как едва ли ни неизбежность, диктуемая самим научно-техническим прогрессом. К тому же концепция «постиндустриального общества» чрезвычайно польстила групповому самолюбию мирового научно-технического сообщества, внесшего (и до сих пор вносящего) свой вклад в ее популяризацию и восхваление. В общественном сознании слова «инновации», «исследования и разработки», «постиндустриальное

общество» образовали некое единство, символизирующее все подлинно передовое, чем одарила Человечество его история.

Логическим образом, появление концепции «постиндустриального общества» отразилось на методике международной экономической статистики. Там началось ранжирование промышленных отраслей и продукции по уровню технологичности. Понятно, что высокотехнологичные производства должны были сосредотачиваться в «постиндустриальных» странах, тогда как примитивные, низкотехнологичные – в отсталых странах мировой периферии. Классификация производится по показателю долевых затрат на исследования и разработки в валовой рыночной стоимости того или иного продукта.

Не неожиданно, что в категорию высокотехнологичных попали авиационная и космическая техника, лекарственные средства, оборудование и приборы для связи и телевидения, вычислительная и счетная техника, офисное оборудование, точные и оптические приборы для медицины, метрологии, научных исследований и прочего. При желании нетрудно убедиться, что в научно-технологическое обеспечение именно этих производств США и другие самые развитые страны Западного мира десятилетиями вкладывали (и продолжают вкладывать) основные средства, затрачиваемые на научные исследования и технологические разработки. В этих изделиях воплощены бесчисленные открытия, изобретения и технологические наработки, сделанные в ходе гонки вооружений. Можно сказать, что высокотехнологичная продукция – результатах гражданской коммерциализации деятельности военно-промышленных систем стран Западного мира (начиная, естественно, с США) в эпоху холодной войны. Соответственно и производство этой продукции или хотя бы ее базовых компонентов оказалось монополией стран – активных участников этого противостояния.

К категории средневысокотехнологичных производств статистики относят энергомашиностроение, автомобилестроение, производство прочих наземных транспортных средств, включая железнодорожный транспорт, промышленную химию, станкостроение. Развитие этих отраслей промышленности венчало послевоенную индустриальную эпоху, и все еще сохраняющееся первенство высокоразвитых стран в производстве соответствующей продукции модно считать естественным. Впрочем, в последние годы и эти производства постепенно вытесняются в страны «мировой периферии». Достаточно сказать, что доля добавленной стоимости, созданной в высокотехнологичной и средневысокотехнологичной промышленности стран – членов Организации экономического сотрудничества и раз-

вития систематически снижалась на протяжении 90-х годов. К началу 2000-х годов она стабилизировалась на уровне скромных 7% от полной добавленной стоимости, образовавшейся в экономиках этих стран.

Все прочие производства и их продукция относятся к «средненизкотехнологичным» и «низкотехнологичным». Долевые затраты на исследования и разработки в валовой стоимости высокотехнологичной продукции оказываются (в среднем) примерно в три раза выше, чем для средневысокотехнологичных производств. Для низкотехнологичных производств это различие может превышать 20 раз.

Полезно отметить, что при таком способе классификации любое производство, на научно-технологическое обеспечение которого по каким-то причинам направляются большие средства, может перейти в категорию высокотехнологичных.

Международная классификация, кратко обрисованная выше, отражает тематическое распределение исследовательских и разработочных затрат, исторически сложившееся в США и в 11 самых высокоразвитых в промышленном отношении западноевропейских стран – членов Организации экономического сотрудничества и развития. С одной стороны, она, таким образом, закрепляет как бы естественный статус этих стран в качестве непреложных «постиндустриальных» лидеров современного мира. С другой стороны, эта классификация разрывает, казалось бы, однозначную связь между уровнем технологичности и наукоемкостью промышленной продукции: ну какие, в самом деле, углубленные научные исследования нужны для создания, скажем, очередной модификации сотового телефона или даже аэробуса?

«Постиндустриальная» эволюция богатейших стран мира не улучшала экономического положения слаборазвитых стран. Об этом, кстати сказать, свидетельствуют только нарастающие со временем потоки экономических мигрантов из этих стран. Строго говоря, это было даже естественным: экспорт капитала не преследует иных целей, нежели получение прибылей. Эксплуатируя выгодные местные условия для своей деятельности, транснациональные корпорации не содействовали ни экономическому, ни полноценному промышленному развитию вчерашних колоний. Их филиалы образовывали замкнутые анклавные относительно экономического благополучия, но – не более того. Подтвердилось и некое общее правило, выяснившееся еще на опыте деятельности зарубежного капитала в странах Латинской Америки и получившее заслуженное название научно-технического колониализма: транс-

национальные корпорации никогда не передавали в свои «туземные» филиалы базовых технологий, удерживая эти знания в своей монопольной собственности.

В колониальную эпоху обитатель какой-нибудь страны, где-нибудь в Юго-восточной Азии проводил жизнь, бродя по колена в воде по рисовым чекам и за гроши продавая урожай перекупщику из метрополии. В «постиндустриальную» эру у него появился разве что «продвинутый» братец, состоящий при конвейере для сборки какой-нибудь бытовой электроники – из импортируемых деталей и предназначенной для продажи в заморских странах. Или – и это уже вершина прогресса – братец, составляющий на стандартном компьютерном языке программное обеспечение для, скажем, билетных автоматов в брюссельском метрополитене.

Высоко- и средневысокотехнологичная продукция встречала масштабный платежеспособный спрос все в тех же самых богатых странах. Страны слаборазвитые и бедные превращались в подсобные, заготовочные и «отверточные»-сборочные, технологически несамостоятельные цехи их «постиндустриальных» фабрик.

Экономические трудности 70-х годов спровоцировали очередное выяснение отношений между финансовым капиталом и государственной властью в богатейших странах мира. «Ночному сторожу» вновь попытались указать его место. Все это выразилось в накате идеологии рыночного фундаментализма (экономический либерализм, монетаризм, «рейганомика» в США, «тетчеризм» в Англии). В этой борьбе явно преуспел американский капитал, добившийся существенного ослабления государственного надзора за своей деятельностью. Непосредственным результатом действительно оказалось значительное ускорение роста ВВП. Однако только специальное исследование могло бы прояснить, какую роль в этом росте сыграли огромные впрыскивания федеральных средств в предприятия военно-промышленного комплекса США для обеспечения знаменитой «оборонной инициативы» СОИ, а позднее – почти нерегулируемый поток ресурсов, хлынувший на Запад после развала СССР. Ну, а отдаленные последствия недолгого торжества экономического либерализма вылились в разворачивающийся на наших глазах мировой финансовый и экономический кризис. Очередной раз подтвердилась правота Дж. Кейнса: монополистический капитализм явно нежизнеспособен без стабилизирующих контроля и поддержки со стороны собственного государства.

Нынешний мировой кризис, с его неясными пока последствиями, был, конечно, закономерен и даже предвидим. Выяснение его причин не входит в нашу задачу. Отметим только одну, многозначительную особенность мировой экономической жизни в предкризисные 2000-е годы. В огромном и все нараставшем потоке международных финансовых трансакций только 20% операций были связаны с перетоками материальных ценностей. Это ли не свидетельство прогрессирующего паразитического перерождения финансового капитала?

VII

В конце 80-х – начале 90-х годов стал слабеть, а потом и разрушился СССР, не устоявший перед рекламно-пропагандистским натиском «общества необузданного потребления для избранных наций». Правительство Китайской Народной Республики начало проводить политику, напоминающую ленинский нэп, и приоткрыло экономику для зарубежного капитала. Тем самым подошла к концу почти вековая Реконкиста финансового капитала богатейших капиталистических стран за возврат территорий, потерянных в результате им же развязанных двух мировых войн. Капитализм, впервые за 70 лет, избавился не только от досадных помех своей «хозяйственной деятельности», но и от непредсказуемо опасного идеологического соперника. Была опорочена и дискредитирована альтернативная ему модель общественного устройства – устройства заведомо более гуманистичного, рационального и доказавшего свою жизнеспособность, несмотря на несовершенства и искажения, вызванные непрерывной неистовой борьбой за выживание с превосходящей силой того же мирового капитализма.

Вот тогда-то, на стыке 80-х и 90-х годов, появилось и замелькало в средствах массовой информации, в выступлениях политиков и в трудах экономистов новое слово «глобализация».

Подобно многим другим знаковым словам эпохи изощренного манипулирования общественным сознанием, «глобализация» это слово-символ. Имея неопределенное смысловое содержание, оно призвано обозначать все самое передовое и прогрессивное, венчающее мировую историю. Это может быть и инфантильная интеллигентская иллюзия о пришествии эры «свободы, демократии и соблюдения прав человека» (почему-то обычно по прин-

ципу «не хочешь – заставят»). Или многозначительные декларации об установлении некоего «международного разделения труда». И прочее, и прочее...

Пожалуй, наибольшей конкретностью отличаются рассуждения о «глобализации мировой экономики». Но и для нее, насколько удастся понять, отсутствует четкое и полное определение. По этой причине, в частности, международная статистика так и не выработала наглядного интегрального показателя для комплексного описания текущего состояния и эволюционных тенденций «глобализации». В качестве характеристик того или иного из ее аспектов используются, по сути дела, любые показатели, описывающие международные экономические связи. В их числе – объемы экспорта и импорта промышленной продукции, международной торговли патентами, лицензиями и ноу-хау, показатели международных миграций квалифицированной рабочей силы, занятости местных работников в филиалах зарубежных фирм, содержание импорта в экспорте различных стран и т.п.

Возникающая картина оказывается пестрой и запутанной, с трудом поддающейся интерпретации. Впрочем, кое-какие характерные особенности удастся подметить. Очевидно, например, что сообщество высокоразвитых стран является основным экспортером и импортером высокотехнологичной и средневисокотехнологичной промышленной продукции. Доходы от экспорта готовой продукции примерно на порядок величины превышают поступления от продажи «технологий, не воплощенных в продукте», т.е. патентов, лицензий и ноу-хау. Доли филиалов зарубежных фирм в общем товарообороте национальной промышленности повсеместно растут, как и занятость в этих филиалах местных работников. Малые страны Европы уже вообще нежизнеспособны без зарубежной подпитки своих экономик. Исключением из общей картины оказывается Япония, промышленность которой в высокой степени автаркична. В международных перетоках материальных ценностей снижается доля перевозок сырья и увеличивается полуфабрикатов и комплектующих изделий.

Сообщество высокоразвитых стран Европы, Канады и США начинает напоминать единую производственную систему – наподобие союзных республик СССР, – устойчивость которой, однако, пока не выяснена. При том нет веских оснований считать эту конгломерацию неким новым явлением и признаком «глобализации». Взаимопроникновение национальных промышленных капиталов стран этого региона наблюдалось, как известно, еще в позапрошлом столетии и достигло высокой степени уже в середине XX в.

В аспекте «глобализации» интереснее взаимоотношения между этими, наиболее развитыми странами и «мировой периферией» из бывших колониальных стран. Теперь их при-

нято называть развивающимися странами, хотя в точном переводе соответствующий термин имеет, скорее, пренебрежительный оттенок – «страны с возникающей (emerging) экономикой». Интересно отметить некую общую закономерность в современной географии перемещений промышленной продукции. Из США и стран Западной Европы в страны Азиатско-тихоокеанского региона течет поток высокотехнологичных элементов и комплектующих изделий, как и средневысокотехнологичной продукции, включая производственное оборудование. Обратное, в страны Западной Европы и в США, возвращается поток готовой высокотехнологичной продукции и дешевых низкотехнологичных изделий массового спроса.

Мы, наверное, сказали достаточно, чтобы без дополнительных пояснений дать ниже следующее определение «глобализации мировой экономики» в ее современном облике. «Глобализация» есть очередной (по-видимому, кратковременный и завершающий) этап многовековой экономической эксплуатации колониальных стран странами, некогда вырвавшимися вперед благодаря территориальной неравномерности развития мира, создавшей для этих лидировавших стран особенно благоприятные стартовые условия для развития капитализма.

Бывшие колониальные страны довольно отчетливо разделяются на две группы по характеру их вовлеченности в «глобализацию». Развивающиеся страны первой группы – главным образом страны Юго-восточной Азии – встроены в постиндустриальные «международные цепочки создания ценностей», как сейчас выражаются, на правах младших, технологически несамостоятельных партнеров развитых стран. Другие – слаборазвитые страны Центральной Африки и некоторые страны Центральной и Южной Америки – продолжают оставаться полем вольной колониальной охоты за прибылями финансового капитала богатых стран. Называть эти взаимодействия «международным разделением труда», наверное, можно не с большим основанием, чем «разделение труда» между наездником и лошадей. Или, если строже, между баррами-помещиками пореформенной России второй половины XIX в. и их «временнообязанными» бывшими крепостными, поставленными в полную экономическую зависимость от вчерашних господ. Чем это «разделение труда» закончилось для той России – общеизвестно.

Прогнозируемая кратковременность эпохи «глобализации» с очевидностью диктуется сразу несколькими предпосылками. Пока что не видно причин для хотя бы приостановки процес-

са деиндустриализации «постиндустриальных» стран. Следовательно, можно ожидать, что по мере старения основных фондов средневысокотехнологичных отраслей их промышленности эти производства тоже будут выноситься в развивающиеся страны. Между тем во многих из этих стран, несмотря на противодействия со стороны стран «золотого миллиарда», возникли достаточно устойчивые правительства, ориентированные на национальные интересы. Они стали проявлять инициативы по развитию национальных научно-технических систем и стимулировать формирование финансового капитала. Сейчас эти страны активно используют возможности для подготовки национальных кадров ученых и техников в университетах США и Западной Европы. Эти возможности, также подверставаемые в контекст «глобализации», на деле отражают нарастающую потребность развитых стран в импорте высококвалифицированных работников: парадоксальным образом, студенческая молодежь в «постиндустриальных» странах потеряла интерес к естественным и техническим наукам, предпочитая более скорую и лучше оплачиваемую карьеру в бизнесе и сфере обслуживания.

В свете только что сказанного характерно появление в международной научно-технической статистике Китая, Индии, Индонезии, Бразилии, Южной Африки, Кореи – как отражение того, что их научно-технические системы уже перестали быть чем-то малозначительным на мировом фоне. Научно-технический прогресс явно выходит за пределы своей исторической колыбели. Нетрудно предположить, что на очереди многие страны Латинской Америки и традиционного ислама – после того, как их светские власти сумеют преодолеть консерватизм богословской элиты. Историческая монополия стран «золотого миллиарда» на высокое знание и техническое умение будет слабеть, с очевидными политико-экономическими последствиями.

«Глобализация», скорее всего, начнет трансформироваться в регионализацию. Собственно говоря, этот процесс уже заметен. Страны юго-восточной Азии, во главе с Китаем, уже превращаются в альтернативный Западу экономический и промышленный центр. Как изменится картина мировой экономики, если и когда Китай перестанет нуждаться в импорте высокотехнологичных комплектующих изделий, да еще переориентирует сбыт на необъятный региональный рынок? А, так сказать, на подходе еще и Индия, потенциальные трудовые ресурсы которой превосходят китайские.

Просматривается и другое, менее мирное препятствие для продолжения «глобализации» в ее нынешнем виде: она не сглаживает, а только усиливает неравномерность мирово-

го распределения богатств и благ. «Общество необузданного потребления для избранных наций» физически невозможно распространить за пределы стран «золотого миллиарда»: такого не выдержат уже планетарные ресурсы. Морального оправдания этому неравенству не существует и поддерживать его можно только силой. При этом научно-технический прогресс по-своему глобализировал наш земной мир, сделав его как бы небольшим и прозрачным. К тому же он насытил его разнообразными и чрезвычайно эффективными средствами уничтожения. Трудно предположить, что такой мир сможет долго пребывать в состоянии латентного конфликта, не перерождающегося в конфликт вооруженный. Не является ли его предтечей международный терроризм, в который вовлечены элиты исторически обиженных народов?

Ну, а дальше – только вопросы.

Как поведут себя страны «золотого миллиарда» перед перспективой утраты ими господствующего положения с «правом» эксплуатировать «мировую периферию», неизбежного снижения уровня жизни своего населения, прежде всего среднего класса, столь ценимого политиками в качестве гаранта социальной стабильности?

Воспользуется ли финансовый капитал новых развитых стран историческим опытом своего старшего собрата и поведет ли себя как сравнительно цивилизованный интеримпериализм Каутского? Или Человечество ожидает череда новых, внутрирегиональных и межрегиональных войн за монопольное владение природными ресурсами и рынками?

Какие счеты захотят и захотят ли предъявить бывшие колонии своим историческим метрополиям за века эгоистической эксплуатации и высокомерного пренебрежения?

И наконец, возможно, самый важный вопрос, один из вариантов ответа на который способен аннулировать три из четырех поставленных выше вопросов: какую модель общественного устройства выберут для своего будущего народы нынешних развивающихся и слаборазвитых стран?

* * *

Случается, что бесхитростная этимология способна сказать больше, чем экономические и социологические изыскания. Почтеннейшие, можно сказать сакральные, прилагательное «частный» (приватный) и существительное «приватизация» произошли от латинского глагола *privare* – «грабить, отбирать». Да. Рыночный капитализм является эффективнейшим способом общественного производства, собственно говоря, и создавшим ту техногенную среду обитания, вне которой едва ли жизнеспособно современное Человечество. Забывается только, что эта эффективность достигается ценою мобилизации решительно всего низменного, что только есть в человеческой природе.

Сумеют ли люди изобрести и учредить на нашей небольшой планетке какой-то иной способ сосуществования, более гуманистичный, свободный от безжалостного социального дарвинизма, этой непрерывной «войны всех со всеми», неотъемлемо присущей капиталистическому обществу? А если нет, то не явится ли наконец Некто, дабы пресечь людские нестроения? И не будет ли этот Некто «ликом и зол, и свиреп. / Инок у входа в обитель видел его и ослеп! / Он к неизведанным безднам гонит людей, как стада. / Посохом гонит железным...»

«Боже! / Бежим от Суда...» кончается это выразительное стихотворение. Только вот вполне может случиться, что и бежать-то окажется некуда...

* * *

Текст очерка предоставлен автором для публикации на сайте ИПРАН РАН:

<http://www.issras.ru/>